

ISSN 0202—151X

ЎЗБЕКИСТОНДА
ИЖТИМОЙ
ФАНЛАР

ОБЩЕСТВЕННЫЕ
НАУКИ
В УЗБЕКИСТАНЕ

1990

8

ЎЗБЕКИСТОН ССР ФАНЛАР АКАДЕМИЯСИ
АКАДЕМИЯ НАУК УЗБЕКСКОЙ ССР

ЎЗБЕКИСТОНДА
ИЖТИМОЙ
ФАНЛАР

Журнал 1957 йилдан чиқа бошлаган

1990

8

ОБЩЕСТВЕННЫЕ
НАУКИ
В УЗБЕКИСТАНЕ

Журнал издается с 1957 года

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

Чл.-кор. АН СССР Э. Ю. ЮСУПОВ (*главный редактор*),
акад. АН УзССР А. А. АСКАРОВ (*зам. главного редактора*),
акад. АН УзССР Г. А. ПУГАЧЕНКОВА, акад. АН УзССР
М. М. ХАЙРУЛЛАЕВ (*зам. главного редактора*), чл.-кор.
АН УзССР П. Г. БУЛГАКОВ, чл.-кор. АН УзССР М. И. ИС-
КАНДЕРОВ, чл.-кор. АН УзССР Х. П. ПУЛАТОВ, чл.-кор.
АН УзССР Ж. Т. ТУЛЕНОВ (*зам. главного редактора*), док-
тор ист. наук З. Х. АРИФХАНОВА, доктор ист. наук
Ш. С. ЗИЯМОВ, доктор филол. наук Э. А. КАРИМОВ, док-
тор ист. наук Б. В. ЛУНИН, доктор экон. наук П. Х. НА-
СЫРОВ, доктор ист. наук Р. Я. РАДЖАПОВА, доктор юр.
наук Х. Р. РАХМАНКУЛОВ, докт ист. наук Г. Р. РА-
ШИДОВ, доктор экон. наук Р. А. УБАЙДУЛЛАЕВА, док-
тор. ист. наук А. У. УРУНБАЕВ, доктор экон. наук К. А. ХА-
САНДЖАНОВ, доктор филос. наук С. ШЕРМУХАМЕДОВ,
доктор ист. наук А. М. ЮЛДАШЕВ, канд. ист. наук
Р. Х. СУЛЕЙМАНОВ, Б. И. КНОПОВ (*отв. секретарь*).

*Адрес редакции: 700047, Ташкент, ул. Гоголя, 70.
Телефоны: 32-73-29, 39-04-83.*

© Издательство «Фан» Узбекской ССР, 1990 г.

Редактор *И. А. Маркман*
Технический редактор *Л. П. Тюрина*

Сдано в набор 14.09.90. Подписано к печати 27.09.90. Формат 70×108^{1/16}. Бумага типографская № 1.
Гарнитура литературная. Печать высокая. Усл. печ. л. 5,60. Уч.-изд. л. 6,0. Усл. кр.-отт. 5,81.
Тираж 948. Заказ 248. Цена 65 к.

Издательство «Фан» Узбекской ССР: 700047, Ташкент, ул. Гоголя, 70.
Типография Издательства «Фан» УзССР: 700170, Ташкент, проспект М. Горького, 79.

А. У. ТУХТАМЫШЕВ

ЧЕЛОВЕЧЕСКИЙ ФАКТОР КАК СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКАЯ КАТЕГОРИЯ

Перестройка, начатая в нашей стране в 1985 г., выдвинула на первый план человека с его интересами и потребностями — не только как работника, но и как личности. Впервые об этом во весь голос было сказано на апрельском (1985) Пленуме ЦК КПСС: «Сравнительно быструю отдачу можно получить, если привести в действие организационно-экономические и социальные резервы и, в первую очередь, активизировать человеческий фактор, добиться того, чтобы каждый на своем месте работал добросовестно и с полной отдачей»¹.

Важнейшие партийные и советские документы последних лет, материалы съездов народных депутатов и сессий Верховного Совета выявили наиболее узловые проблемы перестройки. Среди них особое место заняли проблемы активизации именно человеческого (личного, субъективного) фактора производства. Поднять во что бы то ни стало заинтересованность работников в росте производительности труда — такова первоочередная задача, корни которой своими теоретическими посылками уходят в наследие классиков марксизма-ленинизма.

В трудах К. Маркса, Ф. Энгельса, В. И. Ленина понятие «человеческий фактор» не встречается. Оно появилось в экономической и философской науке значительно позже. Однако у классиков марксизма-ленинизма часто говорится о роли человека, который представляет собой, с одной стороны, важнейший элемент производительных сил общества, а с другой, — «есть совокупность всех общественных отношений»².

По Марксу, «если процесс труда рассматривается совершенно абстрактно, то можно сказать, что первоначально в дело вступают лишь два фактора — человек и природа (труд и природный материал труда)»³.

Процесс производства может осуществляться лишь при соединении объективных и субъективных факторов производства, которые К. Маркс в «Экономических рукописях» 1857—1864 гг., т. е. до написания «Капитала», называл условиями производства. По его словам, «массе индивидов противостоят на другой стороне все объективные условия производства»⁴. При этом Маркс не отделял друг от друга понятия «условия труда» и «условия производства». Он считал, что при капитализме объективные условия труда (земля, жизненные средства, орудия труда, деньги или все это вместе) противостоят субъективным условиям труда — рабочим. «Господство капиталистов над рабочими есть только господство обособившихся условий труда над самими рабочими, условий труда, ставших самостоятельными по отношению к рабочему (к которым, кроме объективных условий процесса производства, —

¹ Материалы Пленума ЦК КПСС 23 апреля 1985 г. М., 1985. С. 8.

² Маркс К. и Энгельс Ф. Соч. Т. 3. С. 3.

³ Там же. Т. 47. С. 104.

⁴ Там же. Т. 46. Ч. I. С. 493.

средств производства — относятся также объективные условия сохранения и действительности рабочей силы, то есть жизненные средства)»⁵.

В последующих своих произведениях, прежде всего в «Капитале», К. Маркс часто употреблял понятия «субъективные и объективные факторы производства», «личные и вещественные факторы производства».

Анализ основных экономических трудов К. Маркса позволяет нам утверждать, что, говоря о факторах производства, он вкладывал в понятие субъективного фактора производства не рабочую силу человека, выступающую в качестве способности к труду, а рабочего, как носителя этой рабочей силы. Соответственно, элементом производительных сил следует считать не способность к труду, а носителя этой способности — самого работника.

«Способность к труду еще не означает труд, подобно тому как способность переваривать пищу вовсе еще не совпадает с фактическим перевариванием пищи»⁶. Следовательно, потенции к труду не следует смешивать с самим трудом. Роль последнего выполняет действующая рабочая сила, субъективный, или человеческий фактор производства.

При этом следует различать субъективный фактор производства и субъективный фактор развития общества. Последнее понятие по своему содержанию значительно шире: оно не ограничивается лишь сферой производства, а включает многие другие общественные отношения, связанные в той или иной мере с реализацией духовных и социальных потребностей людей.

Разграничение этих понятий необходимо прежде всего в методологическом плане. Возрастание роли субъективного фактора в развитии социалистического производства требует более глубокого теоретического обоснования, так как неверная трактовка употребляемых в экономической (как, впрочем, и в другой) науке понятий может приводить к неверным умозаключениям. Наконец, если мы говорим о роли человеческого фактора в росте производительности труда и повышении эффективности производства, то должны четко представлять себе, что такое человеческий фактор как социально-экономическая категория.

Упорядочение понятийного аппарата требует более четкого разграничения различных понятий, так или иначе связанных с категорией «рабочая сила». Нельзя полностью отождествлять понятия, которые по своему содержанию находят определенные точки соприкосновения с понятием «человеческий фактор».

Человеческий фактор, будучи сложной социально-экономической категорией, отражает различные аспекты проблемы повышения трудовой активности непосредственного производителя материальных благ.

Впервые, на наш взгляд, содержание понятия «человеческий» (или личный) фактор производства было раскрыто Н. И. Гвоздевой. По ее мнению, «это понятие комплексное, включающее свободного труженика производства, который одновременно сочетает в себе образованного рабочего, исполнителя и руководителя, полновластного хозяина производства, проявляющего заботу об общих интересах, о построении коммунистического общества в нашей стране»⁷.

Хотя это определение неполностью раскрывает содержание понятия «человеческий фактор», однако его суть подмечена точно.

После апрельского (1985) Пленума ЦК КПСС у нас появилось много экономических и философских произведений, посвященных непосредственно человеческому фактору. Из всего обилия появившейся на волне перестройки литературы о роли человеческого фактора значительную роль в понимании данной проблемы сыграли труды

⁵ Там же. Т. 49. С. 46.

⁶ Там же. Т. 23. С. 184.

⁷ Гвоздева Н. И. Возрастание роли личного фактора производства в коммунистическом строительстве. Саратов, 1972. С. 10.

Л. И. Абалкина, Е. В. Белкина, Е. И. Васильчикова, Т. И. Заславской, И. А. Масловой, В. С. Пригарина, В. Г. Подмаркова, В. Т. Пуляева, М. И. Скаржинского и др.

В Узбекистане одной из первых работ, посвященных непосредственно человеческому фактору, стала монография О. П. Апостолова и В. К. Проскурина «Человеческий фактор в социалистическом производстве». Авторы этой работы, написанной в политэкономическом аспекте, попытались дать широкую, всестороннюю характеристику человеческого фактора. По их мнению, это понятие «аккумулирует в себе прежде всего наиболее существенные черты личности при социализме», которые «в совокупности со способностями к труду и уровнем взаимоотношений в трудовом коллективе (как по вертикали — между руководителями и подчиненными, так и по горизонтали — между самими работниками) составляют... понятие «человеческий фактор»⁸.

Хотя это определение, на первый взгляд, достаточно широко, однако оно не раскрывает полностью суть понятия «человеческий фактор». Учитывая сложность вопроса, некоторые авторы дают более лаконичное, упрощенное определение данного понятия: «Под «человеческим фактором производства» мы подразумеваем того человека, который обладает способностью к труду (рабочей силой) и осуществляет процесс производства в качестве фактора производительных сил»⁹.

Несколько иное определение дает Н. И. Мысляева. По ее мнению, «человеческий фактор включает не только характеристику человека в качестве главной производительной силы. Он раскрывает человека как субъекта социалистических производственных отношений, цель и активную движущую силу происходящих в социалистическом обществе изменений»¹⁰.

Интересно, что Н. И. Мысляева, раскрывая сущность главной производительной силы общества, пытается разграничить понятия «личный фактор», «субъективный фактор» и «человеческий фактор». На наш взгляд, между этими понятиями нельзя провести четкое разграничение, ибо по сути своей они совпадают. В то же время Н. И. Мысляева, говоря о субъективном факторе, не различает понятия «субъективный фактор производства» и «субъективный фактор развития общества». Отсюда и противопоставление человеческого фактора субъективному фактору¹¹.

Иногда встречается слишком упрощенное и одновременно расплывчатое определение человеческого фактора. Так, авторы изданного недавно учебного пособия утверждают: «Под человеческим фактором следует понимать совокупность свойств человека, определяющих его трудовую и общественную деятельность, а также результаты этой деятельности»¹².

На наш взгляд, более точная и наиболее краткая характеристика понятия «человеческий фактор» дана ленинградским ученым В. Т. Пуляевым, который определил его как «социально-психологический, профессиональный и психофизический потенциал человека, выступающего в качестве движущей силы исторического процесса вообще и процесса социального в частности»¹³.

⁸ Апостолов О. П., Проскурин В. К. Человеческий фактор в социалистическом производстве. Ташкент, 1986. С. 9.

⁹ Мельник Л. Е. Человеческий фактор социалистического производства. Киев, 1988. С. 11.

¹⁰ Мысляева Н. И. Человеческий фактор. М., 1989. С. 20.

¹¹ Там же. С. 19.

¹² Человеческий фактор прогресса социализма: сущность и проблемы. Учебное пособие. М., 1989. С. 8.

¹³ Пуляев В. Т. Человеческий фактор в производстве. Л., 1987. С. 22—23.

Анализируя разные трактовки понятия «человеческий фактор», можно определить его как важнейшее условие роста производительности труда, включающее в себя личностные, профессиональные, деловые, моральные качества работников в соединении с уровнем реализации их личных потребностей и интересов. Такое понимание человеческого фактора представляется более конкретным, к тому же оно в большей степени приближено к производству.

На результаты производства оказывают мощное воздействие: квалификация работников, их отношение к труду, уровень взаимоотношений работников в коллективе, их материальная и моральная заинтересованность не только в промежуточных, но и в конечных результатах труда, в улучшении качества продукции и т. п. Все это, по нашему мнению, составляет характеристику человеческого фактора как социально-экономической категории.

Понятие «человеческий фактор» близко по своему содержанию к понятиям: «трудовые ресурсы», «трудовой потенциал», «живой труд», «совокупная рабочая сила», «совокупный работник» и др. «Разграничение этих понятий вытекает из необходимости методологического подхода к исследуемой проблеме. Не сумев разграничить эти понятия, трудно выходить на конкретные практические рекомендации.

Так, понятие «трудовые ресурсы», не встречающееся в трудах классиков марксизма-ленинизма и вошедшее в экономическую науку уже в годы Советской власти, определяется социально-демографической характеристикой, а не экономическими параметрами. В структуру понятия «трудовые ресурсы» входят: занятая (активная) и незанятая (пассивная) части трудоспособного населения страны (республики, области, города, района) в возрасте 16—60 лет — мужчины и 16—55 лет — женщины.

В трудовые ресурсы включаются также учащиеся ПТУ, техникумов, вузов, а также лица, не достигшие 16 лет, и лица пенсионного возраста, участвующие в общественном производстве.

При исследовании трудовых ресурсов неизбежно возникает необходимость определения не только количественного состава работников, но и их качественного уровня. В связи с этим не случайно в последние годы (особенно после проведения в 1987 г. в г. Суздале Всесоюзной научно-теоретической конференции по вопросам рационального использования трудовых ресурсов) стало часто употребляться в научной экономической литературе понятие «трудовой потенциал». Оно характеризуется как с количественной, так и с качественной стороны и по своей сути близко к содержанию понятий «рабочая сила» и «человеческий фактор».

По нашему мнению, под трудовым потенциалом следует понимать: количественный и качественный состав населения, включающий в себя образовательно-квалификационный уровень занятых как в производственной, так и в непроизводственной сферах, личностные характеристики работников, связанные с их участием в трудовой деятельности.

В отличие от понятия «трудовой потенциал» понятия «совокупный работник» и «совокупная рабочая сила» характеризуются главным образом с количественной стороны. Если первое включает в себя всех работников, занятых во всем народном хозяйстве, то второе — занятых (по Марксу) лишь в производственной сфере.

Отличается от понятия «человеческий фактор» понятие «живой труд». Проводя грань между живым и овеществленным трудом, К. Маркс вместе с тем четко выделял диалектическую зависимость между ними. По его мнению, оба вида труда «различаются лишь тем, что один овеществлен в потребительных стоимостях, а другой находится в процессе этого овеществления, один — прошлый труд, другой — нас-

тоящий, один мертвый, другой живой, один овеществлен в прошлом, другой овеществляется в настоящее время»¹⁴.

Живой труд — это сам процесс воздействия на средства производства, в то время как человеческий фактор — условия, при которых возможен данный процесс. Такое понимание этих категорий вытекает из марксистско-ленинской методологии.

Нельзя также отождествлять понятия «человеческий фактор» и «личность», так как первое включает в себя не только качественные аспекты рабочей силы, но и уровень межличностных отношений в коллективе, уровень организации труда и производства и др. Под понятием же «личность» в философской литературе понимают «человеческого индивида как субъекта отношений и сознательной деятельности... или устойчивую систему социально значимых черт, характеризующих индивида как члена того или иного общества или общности»¹⁵.

Подавляющая часть работ, посвященных человеческому фактору, отражает либо политэкономическую, либо философскую сторону рассматриваемой проблемы. Не отрицая методологическую значимость всех этих работ, следует заметить, что интересы развития социалистического общества, интересы перестройки вызывают необходимость значительно большего приближения к конкретной хозяйственной деятельности предприятий.

Чрезмерное теоретизирование, как отмечается во многих работах наших экономистов, а также в выступлениях отдельных народных депутатов СССР на сессиях Верховного Совета СССР, приводит к отрыву экономической теории от практических задач хозяйственного строительства. Интересы развития социалистического производства выдвигают на первый план повышение заинтересованности работников в улучшении экономических показателей, что зависит прежде всего от создания благоприятных условий формирования удовлетворенности членов трудовых коллективов своим трудом.

По данным проведенных в республике социологических исследований, рабочие, как правило, проявляют большую неудовлетворенность условиями оплаты труда и его организацией (около 20% опрошенных). Большое недовольство они проявляют имеющимся в избытке на наших предприятиях устаревшим оборудованием, низким качеством сырья, плохими условиями труда (это особенно проявилось в 1989 г. на Ташкентском метрополитене, когда из-за утечки ядовитых отходов с авиационного производственного объединения им. Чкалова произошли случаи отравления работников метрополитена).

Решение этих проблем связано с резким увеличением материальных затрат на реконструкцию предприятий и улучшением экологической среды. Затраты эти, безусловно, окупятся в течение нескольких лет.

Поднять удовлетворенность рабочих своим трудом можно и при меньших затратах, если будет уделяться повышенное внимание решению социальных проблем.

Как показывают данные различных исследований в стране и республике, рабочие в подавляющем большинстве не удовлетворены качеством услуг, оказываемых им по месту работы. Больше всего они недовольны качеством общественного питания, торговым и бытовым обслуживанием, услугами культуры и медицинского обслуживания. Не устраивает их (особенно молодых работников) также развитие физической культуры и туризма.

Итак, рабочие не удовлетворены прежде всего уровнем развития социальной сферы. Соответственно, это снижает их заинтересованность

¹⁴ Маркс К. и Энгельс Ф. Соч. Т. 49. С. 51.

¹⁵ Философский энциклопедический словарь. М., 1983. С. 314.

трудиться эффективно, в полную меру сил, повышать производительность труда и улучшать качество продукции.

Любой работник будет трудиться с максимальной отдачей, если он будет удовлетворен теми социальными благами и услугами, которые ему предоставляет государство. К сожалению, как свидетельствуют статистические данные, уровень жизни работников растет, как правило, слишком медленно, тогда как цены на товары и оказываемые услуги за последние годы растут довольно быстро, хотя это не видно из статистических материалов.

Если реальные доходы рабочих и служащих в расчете на одного рабочего по сравнению с 1970 г. увеличились в 1,5 раза, то за годы перестройки, что видно из данных статсборников¹⁶, в республике фактически наблюдается замораживание этих реальных доходов.

На наш взгляд, неудовлетворенность работников развитием социальной сферы находит свое отражение в недостаточной производственной активности членов трудовых коллективов, не способствует активизации всего того, что принято называть человеческим фактором.

Безусловно, характеристика человеческого фактора как социально-экономической категории не исчерпывается лишь установлением прямой заинтересованности в труде. Немаловажную роль играет также профессиональная подготовка работников.

Надо заметить, что в республике с 1980 г. происходит неуклонное снижение числа рабочих, обученных новым профессиям и специальностям. Если в 1980 г. в Узбекистане их было подготовлено 280,2 тыс., то в 1985 г.— 239,6, в 1986 г.— 234,7, в 1987 г.— 226,2, в 1988 г.— 222,4 тыс. человек¹⁷.

Вместе с тем и в республике, и в целом по Союзу ежегодно увеличивается численность рабочих и служащих, прошедших обучение по повышению своей квалификации.

Имея более высокий квалификационный уровень, работник будет оказывать большее воздействие на производительность труда, проявлять больший интерес к внедрению достижений научно-технического прогресса, активнее участвовать в рационализаторстве и изобретательстве.

Будучи социально-экономической категорией, человеческий фактор проявляется в состоянии дисциплины труда и уровне текучести кадров на предприятии, в стабильности трудового коллектива. В целом по республике коэффициент текучести кадров в среднем колеблется на уровне 14—17%. Наиболее высока текучесть работников на предприятиях Минавтопрома СССР, Минместпрома УзССР, Госстроя УзССР и др.

Весьма значительны потери рабочего времени из-за текучести кадров. По данным многих исследований, проведенных в стране, работник, сменивший место работы, имеет, как правило, низкую выработку на новом месте работы в течение первых двух-трех месяцев. За период профессиональной адаптации у него зачастую ниже и производительность труда, и качество продукции. В результате текучести кадров на предприятии возникают проблемы увеличения потерь рабочего времени, падает трудовая дисциплина, уменьшается эффективность мероприятий администрации от внедрения предложений по организации труда и производства.

Ежегодно из-за нарушений трудовой дисциплины с предприятий республики увольняется большое количество работников. И это при том, что Узбекистан считается весьма трудообеспеченным регионом и,

¹⁶ Народное хозяйство Узбекской ССР за 70 лет Советской власти: Юбилейный статистический ежегодник. Ташкент, 1987. С. 213; Узбекская ССР в цифрах в 1988 г.: Краткий статсборник. Ташкент, 1989. С. 128.

¹⁷ Узбекская ССР в цифрах... С. 121.

казалось бы, каждый должен держаться за свое место работы. Ведь в республике, по официальным источникам, свыше 1 млн. безработных.

Активизация человеческого фактора предполагает, в частности, поднятие уровня дисциплинированности и ответственности каждого работника на своем рабочем месте, в своем трудовом коллективе. На тех предприятиях, где выше уровень организации труда и производства, где хорошие условия труда, применяются современные машины и технологии, там большую активность проявляет непосредственный участник материального производства.

За годы перестройки четко проявилась определенная тенденция: чем лучше организовано производство на предприятии, тем выше там уровень дисциплинированности и сознательности рабочих, их общественная активность.

Активизация человеческого фактора особенно выражается в процессах демократизации, которые сейчас захлестывают многие трудовые коллективы. Рабочие начинают играть все большую роль в управлении производством, участвуют в выборах своего руководителя, у них быстро растет национальное самосознание и т. п.

Все это сказывается на производственной активности работников. В связи с этим в качестве первоочередной задачи выдвинулась способность администрации предприятия или коллективов, находящихся на самоуправлении, направлять процессы демократизации в сторону роста социально-экономических показателей, не допустить анархии как на производстве, так и в самом обществе.

Демократизация, выступающая волеизъявлением народных масс и одновременно одной из форм проявления человеческого фактора в развитии общества, не должна развиваться стихийно, как это нередко происходит сейчас. В любом случае она нуждается в оформлении законами и общественным порядком. Лишь тогда гласность станет «гласной», когда ей законодательным путем будет предоставлена возможность воздействия на сознание работников в рамках действующего в стране и республике плюрализма мнений. Февральский (1990) Пленум ЦК КПСС своими решениями создал определенную основу для смягчения процессов стихийности в дальнейшей демократизации нашего общества.

Для активизации человеческого фактора, на наш взгляд, нужны также немалые материальные затраты. В частности, в республике уже давно назрела проблема ускоренного развития отраслей социальной инфраструктуры, социальной сферы в целом. Узбекистан находится на одном из самых последних мест в стране по уровню развития социальной сферы, что приводит ко вполне понятному недовольству как коренного, так и некоренного населения республики.

Слабо развитая социальная сфера, острый дефицит товаров первой необходимости, низкие душевые доходы подавляющей части населения республики, загрязненность окружающей среды (например, в Ташкенте, Чирчике, Алмалыке) явно снижают потребность работников трудиться плодотворно, вызывают общую неудовлетворенность не только работой, но и своей жизнью. И не случайно, то в одном, то в другом районе республики вспыхивают конфликты на почве межнациональных отношений. Однако в сущности они имеют не столько национальную, сколько экономическую основу.

На наш взгляд, активность человека как работника, участника производства и как личности зависит прежде всего от того, насколько эффективно функционируют все отрасли народного хозяйства, как ими управляют, как создаются стимулы творческой производственной активности работников, в какой мере члены трудовых коллективов заинтересованы в проведении радикальной экономической реформы.

В практике социалистического хозяйствования человеческий фактор как социально-экономическая категория будет проявляться с максимальной эффективностью, если для этого будут создаваться объективные и субъективные условия. С одной стороны, должны быть приведены в действие все стимулирующие рычаги, влияющие на работника, а с другой, — сам процесс управления должен осуществляться в условиях радикальной экономической реформы таким образом, чтобы работнику было объективно выгодно трудиться с максимальной отдачей. При такой ситуации непременно будут улучшаться все производственные показатели, а следовательно, лучше будут решаться экономические и социальные проблемы.

Ш. Г. ОЧИЛОВ

ИЗ ОПЫТА РАЗВИТИЯ ОБЩЕСТВЕННОГО САМОУПРАВЛЕНИЯ В УЗБЕКИСТАНЕ

Осуществляемая в стране перестройка означает решительный курс на демократизацию всех сфер жизни советского общества, а следовательно, она должна пробудить «в массах стремление к самостоятельному политическому мышлению и к самостоятельной политической деятельности»¹. Демократизация рассматривается ныне миллионами наших людей не просто как отвлеченная форма политической организации общества, а как способ, метод, режим социальной жизни, как неотъемлемое свойство политической системы социализма. Как подчеркивал М. С. Горбачев, «любые замыслы коренного обновления жизни общества обречены на провал, если в эти революционные по своему содержанию процессы не будут включены все слои общества, весь народ»². Сама природа социализма предполагает самостоятельную активность масс, именно в ней В. И. Ленин видел «основной фактор новой общественности»³.

Общественное производство выступает подлинно социалистическим лишь тогда, когда самим трудящимся принадлежит решающая роль в управлении производственными и другими общественными делами, когда они сами, непосредственно решают насущные вопросы экономической, социальной и культурной жизни общества. Это положение в течение многих лет было лишь «общим местом» в нашем общественном сознании, а между тем именно оно требует ныне своего «расшифрования» и глубокого осмысления.

Дело в том, что из трех качеств советской политической системы — власти трудящихся, для трудящихся, власти, осуществляемой самими трудящимися, — первые два являются постоянными, а третье, составляющее собственно сущность самоуправления, — величина переменная. Именно при социализме впервые в истории создаются условия, при которых производители материальных благ сами управляют общественными делами. Однако степень привлечения масс к непосредственному управлению не была одинаковой в истории нашего социалистического государства, более того, здесь не наблюдается поступательного динамизма развития, а скорее — прерывность, период явного регресса.

Наше обращение к некоторым моментам истории, особенностям становления общественного самоуправления в Узбекистане связано с потребностью учета непреложного социологического закона, согласно

¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 41. С. 244.

² Об основных направлениях внутренней и внешней политики СССР: Доклад Председателя Верховного Совета СССР М. С. Горбачева // Известия. 1989. 31 мая. С. 2.

³ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 35. С. 57.

которому жизнеспособность общества находится в прямой зависимости от степени самопознания, от того, какую полноту знания правды о себе самом, своем прошлом и настоящем оно может себе позволить. Во-первых, коль скоро традиции общественной жизни просуществовали столетия, не бывает так, чтобы вчера тот или иной феномен был, а сегодня уже исчез. Прошлое вновь и вновь повторяется как составная часть нового, чаще всего в форме обобщенного, проверенного практической опыта. Во-вторых, человеческая история имеет удивительное свойство двигаться как бы в двух противоположных направлениях одновременно: чем дальше она движется вперед, тем глубже проникает в свое прошлое, обнаруживает и проливает свет на неизвестные дотоле факты и тем адекватнее оценивает исторические явления. Наконец, и это, вероятно, главное, почему мы вглядываемся в историю, — нас привлекают не тогдашние формы того или иного явления — слепое копирование старого, безусловно, невозможно, — а заложенные в них возможности раскрепощения созидательной энергии масс, повышения инициативы индивидуума.

Первый этап развития нашей политической системы можно охарактеризовать как политический режим гражданской войны, военной демократии с преобладанием административно-мобилизационных методов управления, влекущих за собой неизбежные бюрократические извращения. Ошибки не перечеркивают успехов, но и успехи не оправдывают ошибок. Вынужденная крайними обстоятельствами навязанных нам гражданской войны и иностранной интервенции политика «военного коммунизма» породила ряд иллюзий, утопических представлений, неоправданных надежд: на волне революционного энтузиазма перейти сразу к социализму. Однако не волюнтаристские попытки «огосударствить» все до последней нитки могут объяснить суть такого сложного социально-экономического явления, каким был «военный коммунизм». Не сделай тогда коммунисты того, что они сделали, максимально сконцентрировав все истощенные разрухой ресурсы страны, не было бы и победы в гражданской войне. Дело не в начале развертывания этой политики, трагизм кроется в попытке продолжать ее в новых, качественно изменившихся условиях.

В Туркестане административно-приказной стиль руководства, нацеленный на создание единого, всеохватывающего, государством направляемого и регулируемого «кооператива», привел к чудовищному сокращению индивидуальных форм ведения хозяйства. Не случайно 1922 год явился для сельского хозяйства края, в том числе для хлопководства, самым критическим с момента присоединения его к России: тогда оказались возделанными лишь 50% обрабатываемой в 1913 г. земли. Положение усугублялось нарушением традиционных связей с промышленным центром страны. Продразверстка с запрещением свободной торговли хлебом, трудности в приобретении изделий промышленности, колоссальный размах инфляции вызвали недовольство широких слоев населения. Эти моменты, а также государственная монополия на хлопок-сырец и многие другие продукты использовались главарями басмачества в их антисоветской борьбе.

Второй этап развития советской политической системы, начавшийся с переходом к нэпу, можно охарактеризовать как политический режим гражданского мира: в основе его лежала идея перехода к мирным формам классовой борьбы с капиталистическими элементами — через продналог, кооперацию и рынок, товарно-денежные отношения. Это означало решительный разрыв с насильственными, «чрезвычайными» мерами внеэкономического подавления и принуждения, признание решающего значения личного интереса в условиях строительства социализма, а следовательно, признание разнообразия интересов, не поддающихся удовлетворению с помощью принудительной централизации.

Собравшийся в августе 1921 г. VI съезд Коммунистической партии Туркестана прямо констатировал, что прежние методы руководства экономикой «увеличили и без того тяжелое бестоварье и поставили сельское хозяйство в еще более отчаянные условия», что «привело к резкому обострению отношений между рабочим классом и крестьянством, усиленному неурожаем последних двух лет». В качестве первоочередной задачи были выдвинуты меры, обеспечивающие «проявление инициативы», возрождение «частной, на арендных условиях инициативы». Контролируя крупные промышленные предприятия и финансовую систему, государство энергично — много решительнее, чем делается у нас теперь, — пошло на передачу в аренду мелких, убыточных предприятий частным лицам, возникающим товариществам и кооперативам, «содействуя тем разгрузке хозяйственного аппарата от мелких предприятий и заводов» для решения им более глобальных задач⁴.

В то время преобладали экономические, а не административные методы управления и регулирования, причем даже в тех случаях, когда, казалось бы, «силовые» меры неизбежны. Разрабатывались, с одной стороны, мероприятия по налогообложению и ограничению кредитования крупных предпринимателей, а с другой, — ставился вопрос об организации «смешанных торговых товариществ с участием государственного и торгового капитала» в Узбекистане, предусматривались меры по втягиванию частного коммерческого капитала в советское строительство. К сожалению, эта диалектика сочетания методов стимулирования и принуждения исключительно на экономической основе вскоре была отброшена.

Почему это произошло? Существует уже целый ряд концепций относительно причин крушения нэпа. Здесь хотелось бы остановиться на двух факторах, которые (во взаимодействии с другими) стали тогда решающими в определении судьбы нэпа. Позднее, после XX съезда партии, они же сказались на начавшейся реформе хозяйственного механизма. И наконец, сегодня, если их проигнорировать, причислить в разряд «второстепенных», то предпринимаемый партией курс перестройки может постигнуть та же участь. Это — способность масс включиться непосредственно, «снизу» в процесс управления страной и разработка правовых гарантий, обеспечивающих индивидууму возможности отстаивать свои экономические интересы.

В недрах нэпа зрело его отрицание. В сфере экономики развертывались мероприятия, направленные на оживление личной заинтересованности трудящихся в результатах своего труда, а в сфере управления власть то и дело сбивалась на традиции «военного коммунизма». Власть трудящихся через Советы оказалась не в состоянии поднять массы на решение практических задач, вызвать их самостоятельное действие. Выступая на II съезде КП(б) Узбекистана 28 ноября 1925 г., Председатель Президиума ЦИК республики Ю. Ахунбабаев подчеркивал, что существуют «несоветские «Советы»... не исполнялись основные законы выборов в Советы, зачастую население совершенно не принимало участия в выборах...»⁵ Часто комиссии по проведению выборов, прибыв в кишлаки, не считаясь ни с какими обстоятельствами, в течение 2—3 дней избирали кишлачный Совет, волостной исполком, делегатов на уездный курултай и отбывали.

В силу многих обстоятельств органы власти народа, Советы не

⁴ Шестой съезд Коммунистической партии Туркестана. Ташкент, 11—20 августа 1921 г. // Коммунистическая партия Туркестана в резолюциях съездов и конференций. Ташкент, 1988. С. 139, 141.

⁵ Ахунбабаев Ю. Создание Советов и очередные их задачи: Доклад на II съезде Коммунистической партии (большевиков) Узбекистана 28 ноября 1925 г. // Ахунбабаев Ю. Избр. произв. Ташкент, 1985. С. 43—44.

стали центрами мобилизации самого народа, инициативы и предприимчивости масс.

С другой стороны, нэп, быстро развиваясь экономически, требовал также быстрого развития правовых гарантий, укрепления законности как средства защиты от неправомερных посягательств, в том числе со стороны государства. Лишь при развитом, реально действующем гражданском праве экономические методы, хозрасчетные начала могут быть юридически обеспечены, получить простор для своего функционирования. Гражданское право охватывает сами устои гражданского общества — собственность, систему правообладания материальными благами, порядок приобретения и передачи имущества, договоры и т. д. Оно могло, если не полностью воспрепятствовать, то во всяком случае задержать тенденции к складыванию командно-бюрократических методов управления страной. Вопреки «логике власти», в силу отношений собственности и торгово-денежных отношений именно гражданское право обеспечивает свободу и самостоятельность субъектов, автономный статус организаций, предприятий, отдельных граждан. Только эта отрасль права и может регулировать хозрасчетные отношения.

Следует отметить, что это обстоятельство уже тогда вполне осознавалось партией. Однако гарантией от деформации политической системы социалистической страны, как показал исторический опыт, служит не только осознание политическим авангардом и всем обществом тех опасностей, которыми грозит социализму и экономическому прогрессу командно-административный волюнтаризм, граничащий с произволом, но и последовательное формирование противодействующего механизма, механизма правовых гарантий. К сожалению, гражданское право в 20-х годах (да и позднее, в эпоху реформ 60-х годов) не стало той силой, которая при закономерном развитии советской общественной системы, с включением в процесс всех компонентов политического и правового прогресса и культуры привела бы к формированию более поступательного развития социализма в стране. Гражданское право, отодвинутое в сторону, лишённое громадой всякого рода инструкций реального значения в народном хозяйстве, тогда так и не «приступило к работе». С тревогой говорил Ю. Ахунбабаев на I курултае Союза «Кошчи» Узбекистана 23 июля 1925 г. (в разгар нэпа), что «суды не могут в достаточной мере и как следует соблюдать интересы дехкан», что «недостаток в работе судебных учреждений — это их расположение в городе. Дехканин по каждому мелочному делу вынужден идти в город, тратить много времени и денег, оставлять свое хозяйство, и это прямо наносит ущерб интересам дехкан». Учитывая специфику региона, КП(б) Узбекистана предпринимает попытку выправить положение — создает Союз «Кошчи», который призван был «знакомить дехкан с законами Советов, объяснить им свои правовые задачи по отношению к трудящимся дехканам... привлекать дехкан-средняков»⁶.

Союз «Кошчи» повел решительную борьбу с «болезнями в жизни кишлака и аула, имеющими специфический характер, как произвол должностных лиц, домогательство должностей и незаконные поборы (взятки)»⁷. Однако Союз должен был превратиться в сеть не только просветительских, но и «полукооперативных» организаций, которые призваны были «стать очагами строящейся кооперации»⁸ в деле налаживания коллективной обработки земли, работ в области ирригации, пра-

⁶ Ахунбабаев Ю. Роль Союза Кошчи в создании Советов: Доклад на I курултае Союза Кошчи Узбекистана 23 июля 1925 г. Ташкент, 1925.

⁷ Седьмой съезд Коммунистической партии Туркестана. Ташкент, 11—16 марта 1923 г. // Коммунистическая партия Туркестана в резолюциях съездов и конференций. С. 238.

⁸ Шестая краевая конференция Коммунистической партии Туркестана. Ташкент, 7—11 марта 1922 г. // Там же. С. 173.

вильного распределения и использования тех материальных ресурсов, которые выделялись государством на восстановление сельского хозяйства, организации общественных работ для безработных, осуществления задач общественно-трудовой взаимопомощи. Это было программой постепенного, подлинно добровольного вовлечения крестьянства в социализм. К сожалению, эта плодотворная инициатива, учитывающая местную специфику развития, традиции, уровень грамотности населения, была прервана.

С конца 20-х годов начинается третий этап в истории нашей политической системы, самый продолжительный, длившийся с некоторыми, пусть существенными изменениями, до середины 80-х годов. Сформировалась административно-командная система партийно-государственного руководства страной. В своей волюнтаристской деятельности она все более игнорировала и объективные закономерности, и субъективные факторы, и местную специфику, и личные интересы людей.

В стремлении активизировать массы, сделать человека подлинным субъектом управления, хозяином своей судьбы нельзя забывать местную, региональную специфику, которая незримо составляет один из факторов духовного мира личности, игнорирование которой может свести на нет все усилия по мобилизации «человеческого фактора». У каждого народа много старинных обычаев, привычек, традиций, порой кажущихся нелепыми, противоречащими здравому смыслу и даже «нежелательными и вредными», но живущих и дорогих сердцу каждого, как отзвуки прошлой жизни предков, как исторические реликвии, связывающие человека неразрывными нитями с дедами и прадедами, объединяющие людей в единое целое и великое — народ. Обычаи регламентируют поступки человека, его отношение к другим, поведение в различных ситуациях. Они во многом формируют и закрепляют этические, морально-правственные нормы. Вот почему особое внимание в процессе расширения местного самоуправления следует уделить традиционным формам социализации человека в том или ином регионе.

Рассмотрим, например, феномен узбекской махалли. Это — территориально-административная единица в пределах среднеазиатского города, доставшаяся нам в наследство от далекого прошлого, задолго до арабского завоевания и принятия ислама, как сообщество людей, проживающих на ограниченной территории и связанных не одними лишь узами соседства, но и выработанными в течение столетий своими внутренними установлениями, морально-нравственными порядками и нормами, обычаями и традициями, весьма сложный, спаянный, даже в какой-то мере замкнутый мирок в городе. Это своеобразная популяция людей, и слова «мы из одной махалли» таят в себе смысл, который на русском языке и не выразишь лаконичной фразой. Сказать по-русски, что мы живем в одной деревне, квартале, дворе, — еще не значит передать характер взаимоотношений, которые складываются между людьми, живущими в одной махалле⁹.

На территории Узбекской ССР действует Положение о махаллинских (квартальных) комитетах, которое определяет круг обязанностей граждан по месту жительства, сводящийся к регламентации социалистического общежития, пожарной безопасности, санитарных и других правил. Но не это составляет сущность махалли. Если следовать лишь букве Положения, она — давно анахронизм, функции которого многократно дублируются многими советскими учреждениями. Она живет потому, что является центром социальной активности граждан, именно это делает данный институт реальностью.

Строительство нового общества вовсе не означает отказа от всего старого, но еще «работающего» и потому полезного, в частности в деле

⁹ Брынских С. Махалля: Заметки писателя. Ташкент, 1988. С. 3, 4.

активизации «человеческого фактора». Многие хозяйственные и партийные руководители ломают голову над тем, как непосредственно привлечь к решению местных задач самих граждан, а между тем свойственный махалле хашар — взаимовыручка, взаимопомощь десятков людей-соседей не пользуется должным вниманием у прессы, радио и телевидения. Сейчас строится много кинотеатров, кафе, чайных для отдыха граждан, но делается еще недостаточно для сохранения своеобразия махаллинских чайхан, где готовят, скажем, плов или шашлык отнюдь не из коммерческих целей, а для близких друзей и соседей, где формируется общественное мнение, в неторопливой беседе всё и вся подвергается вдумчивой оценке, где люди советуются друг с другом по самым будничным, житейским делам, наконец, где сидят «неформальные лидеры» махалли, которые, может быть, и не занимают должностей в комитетах, но оказывают на людей большое влияние. Много заложено в самой природе махалли. Этот институт должен не только не игнорироваться, но занять подобающее ему место в региональной общественно-политической системе республики. В силу многих обстоятельств мы не смогли сохранить рожденное революцией движение «Кошчи». Махалля, наследие веков, должна сохраниться и использоваться Советской властью не как анахронизм, а как действительный канал непосредственного вовлечения тысяч людей в активную общественную жизнь.

Создавая правовое государство, необходимо постоянно помнить, что за ним стоят гражданское общество, миллионы свободно действующих индивидуумов. Не умаляя значение коллектива, организационно упорядоченных форм осуществления власти народа, следует признать, что личность обладает высшей социальной ценностью и одновременно является самоцелью развития социалистического общества, системы управления. Их функционирование проявляется в конечном счете через поведение, деятельность людей. Еще Ф. Энгельс подчеркивал, что новый общественный строй должен предоставить «каждому члену общества возможность участвовать не только в производстве, но и в распределении и управлении общественными богатствами»¹⁰. Свободная личность — первичный компонент системы социалистического самоуправления. Это нужно сказать совершенно определенно, ибо до недавнего времени государственные интересы, в том числе и ложно понятые, ставились в иерархии наших ценностей выше любых интересов общества, класса, а тем более личности.

Десятилетия господства командно-административной системы закончились почти полным крахом прежних идеологических взглядов и практических методов манипулирования поведением людей. Взятый партией курс на создание правового государства говорит о том, что командные методы решения общественных проблем уже абсолютно не приемлемы, и к ним никогда не должно быть возврата. Однако нам еще не хватает новых, цивилизованных, демократических навыков государственного и общественного самоуправления. И эти навыки надо нарабатывать сейчас, в ходе перестройки, с учетом лучших традиций народов нашей страны.

¹⁰ Маркс К. и Энгельс Ф. Соч. Т. 19. С. 113.

Ф. Т. ХАКБЕРДИЕВА

ПРАВОВЫЕ ПРОБЛЕМЫ УПРАВЛЕНИЯ НАУКОЙ

Советский народ по праву гордится достижениями своих ученых, внесших весомый вклад в развитие мировой науки. Общеизвестны наши фундаментальные достижения в исследовании космоса, в мате-

матике, механике, термоядерном синтезе, квантовой электронике. Вместе с тем нельзя не заметить, что в годы застоя было распространено ошибочное представление о лидирующем положении советской науки буквально по всем направлениям научных исследований, во всех отраслях научного знания.

Реальное положение было, однако, иным. Еще в 1960 г. выдающийся советский физик, лауреат Нобелевской премии П. Л. Капица писал: «Главный недостаток организации научной работы в нашей стране и заключается в том, что у нас не созданы еще наиболее благоприятные условия как для развития базисной науки, так и для поисковых работ. Это проявляется в том, что большинство научных открытий в физике, химии, биологии, медицине, новых направлений в технике делается за границей»¹.

Начало откровенному разговору о реальном положении дел на современном этапе и причинах, тормозящих развитие науки, а главное — о путях и резервах ускорения научно-технического прогресса положило совещание в ЦК КПСС, состоявшееся 11 июня 1985 г. «На задачи науки необходимо взглянуть по-новому, сквозь призму требований времени — требований решительного поворота ее к нуждам общественного производства, а производства — к науке»², — отмечалось в докладе М. С. Горбачева на совещании.

Широкая программа обществоведческих исследований как по принципиальным вопросам социально-экономического развития страны, так и в прикладных аспектах была выдвинута М. С. Горбачевым в выступлении перед обществоведами.

Низкая эффективность научных исследований в значительной мере обусловлена недостатками в их организации, несовершенством управления в области науки.

Необходимость новых форм организации научной жизни была подчеркнута на XIX Всесоюзной конференции КПСС. Еще раз обращено внимание на остроту проблемы внедрения открытий и изобретений в практику, укрепления постоянной связи науки с производством³.

Важность перестройки очевидна на всех этапах и во всех звеньях управления наукой. Об этом принципиально сказано в отчете Бюро ЦК Компартии Узбекистана по руководству перестройкой. В этом документе отмечается, что в республике до сих пор не решены проблемы совершенствования организационных форм управления наукой, ее интеграции с производством. Партийные комитеты, Республиканский совет содействия научно-техническому прогрессу при ЦК Компартии Узбекистана, министерства и ведомства все еще недостаточно опираются на научный потенциал, не направляют усилия ученых на разрешение узловых проблем ускорения социально-экономического развития. Несмотря на ряд принятых мер, недостаточно активно идет перестройка в республиканском штабе науки — Академии наук. Крайне медленно внедряются новые организационные формы совместной работы институтов и предприятий, явно тормозится создание межотраслевых научно-технических комплексов, временных научных и научно-производственных коллективов⁴.

Не завершена специализация академических институтов, а в результате продолжается распыление сил по многим направлениям. Изменение структуры многих институтов носит чаще формальный характер.

¹ Капица П. Наука и общество // Коммунист. 1987. № 13. С. 4.

² Горбачев М. С. Коренной вопрос экономической политики партии: Доклад на совещании в ЦК КПСС по вопросам ускорения научно-технического прогресса 11 июня 1985 г. М., 1985. С. 19.

³ Материалы XIX Всесоюзной конференции Коммунистической партии Советского Союза. М., 1988. С. 113.

⁴ См.: Правда Востока. 1988. 31 янв.

Нередко идет лишь изменение названий лабораторий, а тематика исследований остается прежней. Только 11 из более чем 90 лабораторий были упразднены как малоэффективные и непрофильные, а остальные — в связи с завершением работ или механическим слиянием.

Важное значение приобретает правовое обеспечение перестройки академической науки. Определенные шаги в этом направлении сделаны: разработаны новый Устав Академии наук, Типовой Устав научно-исследовательского института Академии наук УзССР. На конкурсной основе, при наличии альтернативных кандидатур стали производиться выборы. Между тем в части выбора директора института упомянутые документы противоречат друг другу. Не вполне демократическим путем формируется ученый совет института. Его права представляются менее широкими по сравнению с правами совета трудового коллектива предприятия (объединения).

Отраслевая наука в Узбекистане представлена научно-исследовательскими и проектно-конструкторскими организациями как союзного, так и республиканского подчинения. При этом планы научно-исследовательской работы первых во многих случаях слабо увязаны с планами социально-экономического развития республики. Так, деятельность находящихся в Узбекистане филиалов всесоюзных НИИ швейной и трикотажной промышленности, центрального НИИ по производству и переработке натурального шелка, НИИ шелководства Среднеазиатского отделения ВАСХНИЛ, Ташкентского СКБ текстильных машин слабо ориентирована на решение практических задач по увеличению выпуска товаров народного потребления и улучшению их качества, вытекающих из планов экономического и социального развития республики.

Многие из этих организаций не участвуют в реализации заданий, предусмотренных Целевой комплексной программой развития легкой промышленности республики. Удельный вес научно-исследовательских работ для Министерства легкой промышленности УзССР, осуществляемых СКБ текстильного машиностроения, к примеру, не превышает 2%, ЦНИИ по производству и переработке шелка — 37, НИИ шелководства САО ВАСХНИЛ — 27% общего объема выполненных работ. Заказы предприятий легкой промышленности республики выполняются крайне медленно, на низком научно-техническом уровне. Так, уже 16 лет ЦНИИ по производству и переработке шелка занимается созданием автомата КМ-90 для кокономотания. В этом институте в производство внедряется только незначительная часть разработок: в минувшей пятилетке внедрены разработки по 14 темам вместо планировавшихся 47. Затраты по 7 темам превысили 55 тыс. руб., а их экономическая эффективность оказалась в пределах 120 тыс. руб.

Во многих научно-исследовательских и проектно-конструкторских организациях отсутствует отлаженная система информационного поиска, проработок на патентную чистоту, что приводит к низкому технологическому уровню разрабатываемого оборудования, его серьезному отставанию от лучших советских и зарубежных образцов. Так, разработанная в СКБ текстильного машиностроения пневмопрядильная машина П-66 оказалась аналогом японской машины, созданной 5 десятилетий назад⁵.

Представляется, что приближению работы отраслевых НИИ и КБ союзного подчинения к потребностям жизни республики, выходу их на передовые рубежи научно-технического прогресса могла бы способ-

⁵ Постановление Президиума Верховного Совета УзССР от 17 сентября 1987 г. «Записка комиссии по промышленности и по науке и технике Верховного Совета УзССР «О серьезных недостатках в работе научно-исследовательских и проектно-конструкторских организаций легкой промышленности республики по выполнению решений XXVII съезда КПСС об ускорении НТП//Ведомости Верховного Совета УзССР. 1987. № 27. Ст. 291.

ствовать передача некоторых из них в республиканское подчинение. Планирование их работы из Москвы без учета интересов республики, как видим, приводит к ущербу и экономическому, и моральному.

Эффективной организационной формой укрепления связи науки с производством зарекомендовали себя межотраслевые научно-технические центры, которые стали создаваться и в Узбекистане. Их образование дает возможность сконцентрировать усилия ученых и производственников, преодолеть ведомственную разобщенность, распыление денежных и материальных ресурсов.

До недавнего времени в Узбекистане вопросам селекции и семеноводства хлопчатника занимались около 20 научно-исследовательских институтов, отделений, лабораторий и кафедр. Все они работали разобщенно, без должной отдачи. Например, Институт селекции и семеноводства хлопчатника им. Зайцева за последние 6 лет не предложил хлопкоробам ни одного нового сорта. А между тем затраты на содержание этого института составили 6 млн. руб. Для концентрации научных сил и ускорения выведения скороспелых, высокоурожайных сортов хлопчатника, устойчивых к болезням и вредителям, имеющих высокое качество волокна, был создан межотраслевой и научно-технический центр по селекции и генетике хлопчатника.

Вместе с тем при создании подобных центров следует предусмотреть недопущение их монопольного положения в науке и проектировании. А такая угроза реально существует, что видно на примере межотраслевого научно-технического центра по созданию хлопкоуборочной техники. Этому центру пока не удалось сконцентрировать усилия научных, проектно-конструкторских и опытно-экспериментальных баз на создании новой хлопкоуборочной машины, поскольку руководство центра дает дорогу лишь своим разработкам, отвергая идеи и технические решения других авторов⁶.

В серьезном улучшении нуждается руководство вузовской наукой. Из-за просчетов в организации научных исследований удельный вес разработок по наиболее актуальным, приоритетным направлениям, вытекающим из планов экономического и социального развития республики и региональных научно-технических программ, в целом по Министерству народного образования УзССР не растет, а по ряду вузов, в том числе Ташкентскому политехническому и Ташкентскому автомобильному институтам, Самаркандскому архитектурно-строительному институту и некоторым другим, существенно сократился. Ученые вузов республики принимали участие в реализации лишь 14 из 19 общесоюзных целевых научно-технических программ и в 10 из 19 республиканских комплексных программ. К их осуществлению было привлечено всего 5% научно-педагогических работников. В вузах создается крайне мало разработок на уровне изобретений. На 100 научных работников приходится в среднем только 1,3 изобретения, что в 3 раза ниже союзного и во много раз уступает показателям по Белорусской ССР, Казахской ССР и ряду других союзных республик.

Изобретения вузовских ученых в подавляющем большинстве случаев не содержат новизны, усовершенствуют уже известные устройства, изделия и машины. За годы минувшей пятилетки ими было подано 1800 заявок на предложенные изобретения, а авторских свидетельств получено 643. В производстве же использовано менее половины из них, запатентовано лишь 11, не продано ни одной лицензии.

Подобные результаты проистекают из просчетов в планировании. Планы научно-исследовательской работы вузов перегружены мелкими, малозначительными темами. Часть хозяйственных работ направлены на

---

⁶ См.: Каримов А., Лопатин П., Бабинцев М. Пусть плохая, зато своя // Сельская жизнь. 1987. 27 нояб.

решение задач, не имеющих значения для народного хозяйства. В тематические планы многие из них включаются без необходимых обоснований, без указания на методы проведения работ, предполагаемый качественный уровень, без оценки ожидаемых результатов и сравнения с лучшими отечественными и зарубежными аналогами.

Проводимые в вузах исследования нередко дублируют работы отраслевых и академических институтов. Так, наряду с другими научно-исследовательскими и проектно-конструкторскими организациями вузы занимаются проблематикой использования строительных материалов, добычи и переработки нефти и газа. Вместе с тем предпринимаются лишь первые шаги для создания межфакультетских и межкафедральных программ исследований, для улучшения координации вузовской, академической и отраслевой науки.

Сделаны пока только первые попытки организации учебно-научно-производственных объединений, филиалов кафедр на предприятиях. Острой остается проблема связи научно-исследовательской работы студентов с актуальными хозяйственными и социально-культурными задачами. Достаточно сказать, что к внедрению рекомендуется менее 0,5% дипломных проектов.

Еще на XXVII съезде КПСС указывалось на необходимость более полного использования научного потенциала вузов⁷. Этому вопросу посвящено специальное постановление ЦК КПСС и Совета Министров СССР от 13 марта 1987 г. «О повышении роли вузовской науки в ускорении научно-технического прогресса, улучшении качества подготовки специалистов»⁸.

Это постановление особенно актуально для вузовской науки Узбекистана, где объем научно-исследовательских работ, приходящийся на одного преподавателя, почти в два раза меньше общесоюзного уровня. Очень многие научно-исследовательские работы, выполняемые в вузах республики, не соответствуют их профилю, носят частный, мало-значительный, порой надуманный характер⁹.

Исключительно важное значение для развития советской науки, максимального использования достижений научно-технического прогресса, коренной перестройки деятельности научно-исследовательских, проектных, конструкторских и технологических организаций имеет постановление ЦК КПСС и Совета Министров СССР от 30 сентября 1987 г. «О переводе научных организаций на полный хозяйственный расчет и самофинансирование»¹⁰.

В постановлении отмечается, что главной задачей научных организаций в новых условиях хозяйствования являются последовательное претворение в жизнь стратегического курса партии, обеспечение передовых рубежей в научно-техническом прогрессе, полная мобилизация научного потенциала, создание атмосферы творчества в научных коллективах.

Постановление определило основные принципы хозяйственной деятельности научных организаций в составе предприятий, производственных и научно-производственных объединений, непосредственно подчиненных министерствам и ведомствам, академических и вузовских научных организаций.

В последовательном и целенаправленном решении нуждается комплекс кадровых вопросов в научной деятельности: от подготовки научной смены, эффективного использования научного потенциала и до пенсионного обеспечения работников науки.

⁷ См.: Материалы XXVII съезда Коммунистической партии Советского Союза, М., 1986. С. 28.

⁸ СП СССР. 1987. № 24. Ст. 84.

⁹ См.: Правда Востока. 1986. 31 янв.

¹⁰ СП СССР. 1987. № 48. Ст. 158.

Сейчас уже ни у кого не вызывает сомнения то, что «с первых лет обучения студенты должны втягиваться в исследовательскую работу, участвовать во внедрении ее результатов в производство»¹¹. Наиболее распространенной и, надо сказать, простейшей формой этой работы являются студенческие научные кружки при кафедрах и лабораториях. К сожалению, значительная часть их функционирует формально и числится лишь для отчета. Члены кружков слабо привлекаются к выполнению научно-исследовательских работ, выполняемых профессорско-преподавательским составом кафедр. Студентов редко можно встретить среди соавторов и авторов научных работ.

Более высокой, чем кружки, организационной формой привлечения студенчества к НИР являются студенческие бюро (СБ) высших учебных заведений, которые организуются из числа студентов и штатных сотрудников вузов для ведения непрерывной, имеющей практическую направленность научно-исследовательской, проектно-конструкторской, изыскательской, творческой деятельности в целях улучшения подготовки высококвалифицированных специалистов, более широкого привлечения студенческой молодежи к активному участию в ускорении научно-технического прогресса, решении актуальных народнохозяйственных задач.

Целый ряд СБ вузов страны добивается хороших результатов. Так, студенческое научно-исследовательское бюро Белорусского государственного университета, объединявшее 439 студентов, по итогам Всесоюзного 1985—1986 гг. общественного смотра работы студенческих бюро высших учебных заведений было удостоено первой премии и Почетного диплома. По тематике работ этого СБ было выполнено 360 курсовых и дипломных проектов, внедрено 102 разработки, получено 12 авторских свидетельств на изобретения и 15 удостоверений на принятие рационализаторские предложения; на всесоюзные выставки представлено 12 экспонатов, опубликованы 43 студенческие научные работы¹².

Гораздо более скромно выглядят результаты работы СБ вузов Узбекистана. Среди 29 победителей смотра работы СБ за 1985—1986 гг. было лишь одно СБ из УзССР (Ташкентского медицинского института).

СБ входят в систему научно-технического творчества молодежи (НТТМ) и создаются по инициативе НТТМ вуза.

Следующее звено в системе научно-технического творчества молодежи — центр НТТМ, который является организацией, занимающейся хозяйственным обеспечением научно-технического творчества молодежи в районе (городе).

Обращает на себя внимание то обстоятельство, что Типовое положение о студенческом бюро высших учебных заведений и Положение о центре НТТМ никак не согласованы между собой. В этих актах, в частности, ничего не сказано о взаимоотношениях названных формирований, что вряд ли можно признать оправданным. Показательно и то, что бывшего Министерства высшего и среднего специального образования СССР нет в числе органов, утвердивших Положение о центре НТТМ¹³.

Таким образом, в организации науки накопился целый ряд проблем, требующих неотложного решения. Особого внимания заслуживает территориальный аспект управления научными исследованиями на уровне республики. Показательно, что в постановлении ЦК КПСС и Совета

¹¹ Материалы XXVII съезда Коммунистической партии Советского Союза. С. 28.

¹² Бюллетень Министерства высшего и среднего специального образования СССР. 1987. № 7. С. 28.

¹³ См.: п. 7 Положения о центре научно-технического творчества молодежи (центр НТТМ). Утверждено постановлением ГКНТ СССР, Госплана СССР, Госкомтруда СССР, Минфина СССР, ВЦСПС, ЦК ВЛКСМ от 28 января 1987 г. № 19/9/73/27/1—11/138/11а/1//Бюллетень нормативных актов министерств и ведомств СССР. 1987. № 6. С. 13—16.

Министров СССР от 17 июля 1987 г. «О совершенствовании деятельности республиканских органов управления» имеется специальный раздел — «Совершенствование организации науки в союзных республиках». Этим постановлением было признано необходимым предоставить Советам Министров союзных республик более широкие права по координации деятельности всех научных учреждений, расположенных на территории республики. Установлено, что Советы Министров союзных республик при активном участии Государственного комитета СССР по науке и технике и Академии наук СССР разрабатывают и осуществляют меры по ускорению научно-технического прогресса, проведению единой научно-технической политики на территории республики, совершенствованию сети и повышению качества работы организаций науки и научного обслуживания, имея в виду обеспечить развитие науки в каждой союзной республике в органическом единстве с развитием научного потенциала страны в целом. Подобные изменения, как представляется, целесообразно закрепить в актах, определяющих правовой статус Советов Министров союзных республик и республиканских Академий наук.

Встает вопрос о том, каким образом Совет Министров союзной республики может наиболее успешно выполнить свои функции по координации деятельности всех научных учреждений, расположенных на территории республики. Одним из альтернативных вариантов решения данного вопроса могло бы быть образование в союзных республиках, имеющих крупный научный потенциал, государственных комитетов по науке и технике. Создание таких органов, наделенных координационными функциями, возможно за счет сокращения численности административно-управленческого персонала в соответствующих подразделениях Госплана союзной республики и других организациях и подразделениях, ведающих вопросами науки. Уместно напомнить в связи с этим, что подобный республиканский Госкомитет был образован в Грузинской ССР.

В условиях перестройки возрастают роль и ответственность юридической науки, практически всех ее отраслей. Усиливается практическая направленность исследований юристов, они стали активнее привлекаться к законопроектной работе. Об этом, в частности, свидетельствует образование при Президиуме Верховного Совета Узбекской ССР научно-консультативного совета по законопроектам¹⁴.

В ближайшем будущем можно ожидать привлечения ученых-юристов республики для консультирования народных депутатов Узбекской ССР. Показательно, что в целях дальнейшего повышения уровня научного обеспечения законодательной и контрольной деятельности, проводимой в Верховном Совете СССР, разработки проблем советского государственного строительства и обеспечения квалифицированной правовой помощью народным депутатам СССР, а также усиления координации научных исследований и изучения эффективности действующего законодательства постановлением Президиума Верховного Совета СССР от 16 декабря 1988 г. Всесоюзный научно-исследовательский институт советского законодательства (за исключением Научного центра правовой информации и связанных с ним подразделений) был передан из ведения Министерства юстиции СССР в ведение Верховного Совета СССР. Одновременно указанный институт был преобразован в Институт советского государственного строительства и законодательства¹⁵.

Представляется, что с подобными же целями следовало бы создать такой институт и при Верховном Совете Узбекской ССР. Образовать его можно было бы на базе государствоведческих подразделений Инсти-

¹⁴ Ведомости Верховного Совета УзССР. 1988. № 26. Ст. 322.

¹⁵ Ведомости Верховного Совета СССР. 1988. № 51. Ст. 752.

тута философии и права АН УзССР с привлечением лучших научных сил, имеющихся в республике. (Уместно в связи с этим напомнить, что еще в 1931 г. по решению ЦИК Советов и СНК УзССР был организован Научно-исследовательский институт советского строительства и права им. Джахан Абидовой при СНК Узбекской ССР, просуществовавший до 1937 г.).

В стране приняты крупные меры по изменению системы планирования, финансирования и материального обеспечения исследований и разработок, ускорению использования научных достижений в практике, стимулированию научного труда. Недавно издан Указ Президента СССР «О статусе Академии наук СССР» как общесоюзной самоуправляемой организации¹⁶. Очевидно, следует соответственно определить и статус Академии наук УзССР. Все это, надо надеяться, укрепит правовые основы управления наукой, повысит уровень его организации в интересах усиления эффективности научных исследований, возрастания вклада советской науки в перестройку.

¹⁶ См.: Правда. 1990. 24 авг.

А. Ф. ФАЙЗУЛЛАЕВ

ПРИНЦИП РАЗДВОЕНИЯ ЕДИНОГО КАК ОСНОВА ПОЗНАНИЯ ДИАЛЕКТИЧЕСКИХ ПРОТИВОРЕЧИЙ*

Философская Вселенная и астрономическая Вселенная, природа и общество, любой конкретный вид материи и движения — все они противоречивы. Однако признания этих противоречий недостаточно. Надо знать механизмы познания диалектических противоречий. Их, возможно, много. Однако познание сложной противоречивой системы начнется с установления модели упрощения — приведения многостороннего противоречия к самой простейшей системе единства двух противоположностей. Эта раздвоенная система динамична, поскольку она и источник движения, и сама находится в динамике. Определенные представления о раздвоенной динамической системе имели еще древние философы. На это лаконично, но содержательно указал В. И. Ленин: «Раздвоение единого и познание противоречивых частей его ... суть (одна из «сущностей», одна из основных, если не основная, особенностей или черт) диалектики. Так именно ставит вопрос и Гегель (Аристотель в своей «Метафизике» постоянно *бьется* около этого и борется с Гераклитом *respectively* с гераклитовскими идеями). Правильность этой стороны содержания диалектики должна быть проверена историей науки»¹.

Мы полагаем, что историей науки она уже проверена, в частности историей науки в средневековой Средней Азии². Издано немало книг по общим и частным проблемам противоречий³. Задача теперь состоит

* По докладу, сделанному на пленарном заседании Всесоюзной конференции «Диалектические противоречия в общественном развитии и пути их разрешения» (Ташкент, 30 мая 1990 г.).

¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 29. С. 316.

² См., напр.: Файзуллаев А. Ф. Проблемы противоречия в трудах классиков естествознания и философии Средней Азии. Ташкент, 1974.

³ См., напр.: Диалектическое противоречие. М., 1979; Макеев А. К. Движение, противоречие, развитие. Минск, 1980; Соотношение противоречий и законов развития. Горький, 1981; Лежебоков П. А. Диалектическое противоречие как закон познания. М., 1981; Принцип противоречия в социальном познании. Алма-Ата, 1982; Бородин В. В. Проблемы противоречия в материалистической диалектике. М., 1982; Суханов В. И. Концепция предметного противоречия. Саратов, 1983; Противоречия в процессах познания. Горький, 1985; Тождество противоположностей как

в том, чтобы подходить к изучению некоторых достижений и результатов в современной науке и практике в сфере природы и общества с точки зрения принципа раздвоенной динамической системы,

1. Онтологический и гносеологический аспекты раздвоения единого. Источником познания раздвоенной динамической системы является само объективное существование материальных образований в онтологин микро-макро-мегамиров, неживой и живой природы. Что касается гносеологии, то к ним можно отнести различные модели (частично субъективного характера) отражаемых объективных процессов. Поэтому оба аспекта мы будем рассматривать в единстве.

а. Корпускулярно-волновой дуализм. В чем заключается единство противоположностей одной элементарной частицы? Элементарную частицу нельзя разделить на две физические части. Но невозможно существование одного, единственного, обособленного объекта, без противоречия. Его определение и есть искусство ученого. Например, в данном случае модель противоречия выступает как единство одновременных корпускулярного и волнового представлений о любой элементарной частице. Это уже одно из принципиальных доказательств принципа раздвоения единого в микромире.

б. Частица — античастица. Если элементарную частицу рассматривать как целостный объект, то в чем можно видеть противоположности? Здесь одна из моделей — единство частицы и античастицы как сосуществование противоположных знаков заряда или кинетических моментов.

в. Раздвоение материальной точки. Как раздвоить геометрическую точку — феномен, не имеющий размеров? Это возможно в зависимости от выбора модели. Рассмотрим случаи:

— случай «чистой» геометрической точки. Поскольку это — чистая абстракция, т. е. в природе ее нет, раздвоить ее тоже невозможно; точку, движущуюся по инерции, — тоже, как абстракцию, раздвоить нельзя;

— криволинейное движение как единство поступательного и кругового движения, движение по эллипсу, в частности, складывается из прямолинейного и кругового движений;

— невесомость — это единство тяготения и центробежной силы;

— ускоренное движение предполагает одновременное присутствие действующей силы и силы инерции.

г. Двухскоростной раздвоенный элемент. Л. Д. Ландау обнаружил, что один и тот же химический элемент проявляет одновременно две противоположные тенденции: «...В гелии II должны существовать две скорости звука», «при температурах, отличных от абсолютного нуля, в гелии II оказывается возможным одновременное существование двух движений — сверхтекучего и нормального»⁴. Это напоминает раздвоение одной физической частицы, только на уровне химического элемента. А если химический элемент или соединение рассматривать как целостный объект (теперь не частица, а элемент), то учение о единстве двух компонентов одной среды с противоположными характеристиками создано Х. А. Рахматулиным⁵. Это уже раздвоение единого на подступах к макромиру.

д. Солнце — Антисолнце. Солнце — ядро Солнечной системы — можно рассматривать, например, как единый объект двух функций: самовоспроизводство и самораспространение энергии. А самому Солнцу

методологическая проблема. Свердловск, 1985; Попов Ю. П. Противоречивость связи и развития как основы диалектической логики. Владивосток, 1988; Щербина А. Б. Противоречия перестройки. Л., 1989; Диалектические противоречия в общественном развитии и пути их разрешения. Ташкент, 1990.

⁴ Ландау Л. Д. Собр. трудов. Ч. I. М., 1969. С. 352.

⁵ Рахматулин Х. А. Основы движения двухкомпонентной среды // Прикладная математика и механика. Т. 20. Вып. 2. М., 1956.

можно придать качество одного из компонентов двойного созвездия — Солнце—Антисолнце; согласно новой гипотезе, эти два Солнца вращаются вокруг общего центра масс, делая один оборот за три миллиона лет;

е. Солнечная система — «Антисолнечная система». Невозможно отыскать такую же Солнечную систему, только с каким-то обратным направлением, в том числе «обратную» Землю. Однако мы уже знаем, что не может существовать один объект без своего сопряжения — «антиобъекта». Исходя из принципа раздвоения единого, возможно и необходимо пойти «Антисолнечную систему». Дело только в искусстве нахождения соответствующей модели раздвоения. Мы предполагаем: раз Солнечная система обладает вектором кинетического момента $+L$, то должен существовать противоположный — $-L$. Скалярное значение одинаково ($L=3,14 \cdot 10^{48}$ CGS). Таким образом, налицо соотношенность солнечной системы ($+L$) и Галактики ($-L$). Отсюда вывод: если мысленно убрать Галактику, то Солнечная система перестанет существовать. А это уже из области мегамира.

ж. Единство «до» и «после». После отключения источника движения оно продолжает существовать по инерции (закон инерции); после изменения обстановки, условий продолжают существовать привычка и мышление; инерция сосуществования: из одного источника вылетели два пучка электронов. В дальнейшем, после отделения, нельзя сказать, что их состояния будут самостоятельными. Изменение состояния одного повлияет на состояние другого.

з. От ассимиляции—диссимиляции до брачных отношений — необходимые условия существования живой материи; любовь — ненависть, добро — зло, горе — радость являются узловыми моментами жизни человека.

и. Магическое мышление о сосуществовании «до» и «после». Закон соприкосновения (контагиозная магия) — «вещи, однажды соприкоснувшись друг с другом, продолжают взаимодействовать на расстоянии после прекращения прямого контакта»⁶. Некоторые народные привычки: беречь ногти, волосы и т. п., чтобы неуважительные поступки с ними не повредили их бывшим обладателям; чисто и честно держать дом и жизнь в нем после ухода хозяина; в Узбекистане бережно хранят лепешку, оставленную уходящим солдатом; закон подобия (гомеопатическая магия) — подобное лечит подобным, например, организм, пострадавший от змеиного яда, лечат этим же ядом, в соответствующих дозах. Как видим, и в этой сфере находит признание принцип раздвоения единого.

II. Пространственно-временной аспект существования, познания и преодоления противоречия раздвоенных противоположностей в прошлом и настоящем. Парадоксы начались с апорий Зенона Элейского (середина V в. до н. э.). Они не разрешены еще и в наше время.

Апория «летающая стрела» формулируется так: «В каждом пункте пути летающая стрела занимает определенное место; движение же предмета требует места большего, чем сам предмет; но стрела не может быть одновременно и такой и другой длины: следовательно, в каждом пункте пути летающая стрела покоится, другими словами — движения «в истинном бытии» нет, так как сумма состояний покоя не может дать движения»⁷. Этим парадоксом, наряду с другими апориями, Зенон отрицал объективное существование движения. Прошли века. Многие философы в различных аспектах рассматривали этот парадокс, однако

⁶ Болдырева Л., Сотина Н. Магия и квантовая механика//Наука и религия. 1990. № 5. С. 30.

⁷ История философии. Т. I. М., 1957. С. 90.

в истории философии обычно ссылаются на гегелевское решение проблемы. Оно гласит: «Нечто движется не поскольку оно в этом «теперь» находится здесь, а в другом «теперь» там, а лишь поскольку оно в одном и том же «теперь» находится здесь и не здесь, поскольку оно в этом «здесь» одновременно и находится и не находится»⁸.

Итак, единство раздвоенных противоположностей: одновременно здесь и не здесь. Это не противоречит действительности, а наоборот, еще раз подтверждает природу диалектики объективного мира и его отражения в мышлении. А соответствует ли действительности отрицание движения в объективном мире? Нет. И это одновременное отрицание и признание есть противоречие. Оно было объектом изучения многими современными философами, в частности В. Л. Алтуховым, Г. С. Батищевым, А. С. Богомоловым, В. А. Босенко, Б. А. Драгуном, Р. Р. Мавлютовым, В. И. Свидерским и др. Резюмируя ход дискуссии вокруг гегелевского решения, И. С. Нарский пишет: «В советской философской литературе этот вопрос освещался довольно противоречиво и не очень ясно»⁹.

Мы считаем своим долгом проследить развитие диалектической мысли пропущенной в литературе эпохи от Зенона до Гегеля, а именно взгляды выдающихся естествоиспытателей и философов Средней Азии. На наш взгляд, Фараби и Ибн Сина внесли заметный вклад в раскрытие сути этого противоречия, который представляет большой интерес для современной проблематики.

Фараби не отрицает движения, как Зенон, он просто констатирует факт нарушения формальной логики, рассматривая, однако, соотношения движения, места и времени.

1. Два места в одно и то же время. По мнению Фараби, чтобы совершилось движение, вещь должна постепенно проходить ступени: «Невозможно, чтобы она занимала две части в одно и то же время; ей необходимо [прежде] покинуть то [ту часть], где она находится, чтобы направиться к следующей»¹⁰. Согласно Ибн Сине, «из двух вещей, которые находились бы в одном месте, одна была бы предшествующей, а другая последующей»¹¹, т. е. две вещи могут находиться в одном месте только в разное время.

2. Один предмет, две противоположные вещи в одно время. Фараби считает, что один предмет в одно и то же время не может вместить или пропустить две противоположные вещи. Допустить, что «один предмет должен пропускать две противоположности в одно и то же время» — «это абсурд»¹². Однако Фараби признает тот случай, когда «одна вещь фактически может иметь два противоположных бытия»¹³.

3. Одновременное нахождение и ненахождение. Ибн Сина сформулировал свою точку зрения таким образом: «То, что находится на своем естественном месте, не может быть легким, ибо из этого следовало бы..., что то, что находится на своем естественном месте, одновременно не находилось бы на своем естественном месте, а это составляет противоречие»¹⁴. Очевидно, эта мысль Ибн Сины представляет определенный интерес в свете современной дискуссии о соотношении диалектической противоречивости и формально-логической непротиворечивости, поскольку Ибн Сина считал идею об одновременном нахож-

⁸ Гегель. Соч. Т. V. М., 1937. С. 521.

⁹ Нарский И. С. Проблема противоречивости механического движения // Философские науки. 1965. № 2. С. 37.

¹⁰ Аль-Фараби. Философские трактаты. Алма-Ата, 1970. С. 246.

¹¹ Ибн Сина. Даниш-намэ (Книга знания). Сталинабад, 1957. С. 199.

¹² Аль-Фараби. Указ. соч. С. 67.

¹³ Аль-Фараби. Математические трактаты. Алма-Ата, 1973. С. 210.

¹⁴ Десять вопросов Беруни относительно книги «Физики» Аристотеля и ответы Ибн Сины // Материалы по истории прогрессивной общественно-философской мысли в Узбекистане. Ташкент, 1957. С. 131.

денни и ненахождении тела в данном месте не соответствующей закону формальной логики о непротиворечивости.

4. Одновременное обладание и необладание. Ибн Сина относит к нарушению закона о непротиворечии формальной логики следующую антиномию: «Но тебе следует знать, что не может быть так, чтобы одна и та же вещь одновременно обладала знанием и не обладала им, чтобы она была бы черной и белой. Не может быть также, чтобы всякое животное было одним и тем же животным: ... и двуногим и четвероногим»¹⁵. Здесь представляет большой интерес антиномия одновременного знания и незнания в одном и том же отношении.

5. В одном месте в одно время. Ибн Сина допускает одновременное нахождение в одном месте двух вещей: «Например, если ты скажешь, что сперва должен быть 1, а затем уже 2, то это не значит, что ты хочешь сказать о необходимости такого времени, в течение которого сперва будет 1, а лишь потом, в другое время, будет 2, но считаешь возможным, чтобы всегда 1 и 2 были в одном месте в одно время»¹⁶.

Из указанных выше пяти пунктов можно прийти к следующим выводам: 1) утверждение о том, что вещь одновременно и находится, и не находится в данном месте, приводит к нарушению закона формальной логики о непротиворечии. Это относится прежде всего к механической форме движения материи; 2) однако утверждение об одновременном совмещении двух понятий не приводит к нарушению формальной логики; 3) закон логического непротиворечия — отрицание (—) конъюнкции (.) некоторого А и не-А, т. е. $\overline{A \cdot \bar{A}}$ необходимо применять диалектически; 4) Ибн Сину и Фараби, по меньшей мере, можно считать сопричастными к современной дискуссии о соотношении диалектического противоречия и логического непротиворечия.

III. Математические модели раздвоенной динамической системы. Двигательная сила, источник движения объективного мира, учит материалистическая диалектика, находится в самом мире. Мир не нуждается в сверхъестественном воздействии.

Мир, Вселенная бесконечна как в пространстве, так и во времени. Это, конечно, философская Вселенная. Однако бесконечность можно понять только через ее конечные проявления, которые включает в себе астрономическая Вселенная. Возникает вопрос: как моделировать (например, математически) самодвижение конкретных, конечных объектов? Где искать, скажем, источник движения материальной точки, которую невозможно раздвоить, каково соотношение между принципом раздвоения единого и понятием системы, которое является одним из основных понятий современной науки и зарождающейся в наше время новой науки «общая теория систем»? Правильный, подлинно научный ответ на эти вопросы может дать диалектико-материалистический анализ раздвоенной динамической системы. Раздвоенная динамическая система (РДС) — это самая простейшая, т. е. двухкомпонентная система, для движения компонентов которой не требуется внешнего воздействия.

РДС может находиться в относительном покое (материальные компоненты не движутся или некоторые характеристики равны нулю) или в движении (компоненты движутся, характеристики изменяются). Источником любого состояния РДС является противоречие, единство двух противоположностей. Что касается сложной системы, то ее, пользуясь абстрагированием, всегда можно приводить к двум противоположностям. Это «сверху». А «снизу» — нет движения одной изолированной материальной точки; движение одной точки (объекта) необходимым образом сопровождается движением в противоположном направлении

¹⁵ И б н С и н а. Даниш-намэ... С. 159—160.

¹⁶ Там же. С. 166.

соответствующей второй точки (объекта), и вместе они составляют простейшую форму РДС.

Противоречивость механического движения, например, может быть в основном двух видов: статическая и кинетическая.

А. Статическую противоречивость, противоречивость РДС в покое, можно выразить математически:

$$(\bar{P} \updownarrow \bar{R}),$$

где $\bar{P}$ — сила тяжести, $\bar{R}$ — равнодействующая нормальной силы реакции и силы трения.

Б. Кинетическая противоречивость — это противоречивость РДС в движении. Она, в свою очередь, бывает четырех видов.

1. Противоречивость равномерного движения.

а. Противоречивость движения по инерции компонентов РДС:

$$(m_1\bar{v}_1 \updownarrow m_2\bar{v}_2),$$

где $m_1\bar{v}_1$ и $m_2\bar{v}_2$ — количества движения компонентов системы — тождественны по величине и противоположны по направлению. Тождественность по величине означает и общность материи, «ибо всякое бытие, которое имеет противоположность, также обладает материей, общей для него и его противоположности»¹⁷, — утверждает Фараби. «А тождественным называют то, что относится ко многим вещам, но всегда в одном смысле»¹⁸, — подтверждает Ибн Сина.

б) Противоречивость равномерного вращения компонентов системы:

$$(\bar{r}_1, m_1\bar{v}_1) \updownarrow (\bar{r}_2, m_2\bar{v}_2),$$

где $[\bar{r}_1, m_1\bar{v}_1]$ и $[\bar{r}_2, m_2\bar{v}_2]$ — моменты количества движения компонентов.

2. Противоречивость переменного движения:

$$(\bar{F}, \bar{I}),$$

где $\bar{F}$ — равнодействующая активной и пассивной силы, $\bar{I}$ — сила инерции.

3. Противоречивость сохранения механической формы движения материи:

$$(\Delta T, \Delta P),$$

где ΔT — приращение кинетической энергии, ΔP — соответствующее отрицательное приращение потенциальной энергии.

4. Противоречивость возникновения и перехода механической формы движения материи:

$$(\Delta E, \Delta H),$$

где ΔE — приращение механической энергии, ΔH — соответствующее отрицательное приращение механической энергии.

Итак, раздвоенная динамическая система содержит в себе условие и источник своего существования, состояния, движения и развития.

IV. Проблемы антагонистических и неантагонистических противоречий. В последнее время разделились мнения относительно противоречий в социалистическом обществе. Дело в том, что раньше считалось, что антагонистические противоречия существуют в досоциалистических классовых обществах, а в социалистическом — неантагонистические противоречия. Некоторые авторы считают, что антагонистические противоречия существуют и в социалистическом обществе. Мы, не соглашаясь с обоими подходами, вносим следующее уточнение: противоречия в человеческом обществе существуют в трех формах: 1) диалектические противоречия, 2) антагонистические противоречия, 3) антагонизм. Кратко рассмотрим эту типологию противоречий:

¹⁷ Аль-Фараби. Философские трактаты. С. 240.

¹⁸ Ибн Сина. Даниш-намэ... С. 158.

1. Диалектические противоречия. Само существование материи и ее движение не отделимы от них. Они существовали, существуют и будут существовать везде и всегда, в неживой и живой природе, обществе и мышлении.

2. Антагонистические противоречия являются атрибутами только обществ с антагонистическими классами. Такой вывод логично сделать, исходя из классического понимания антагонистических классов. А каковы состояния этих классов в различных обществах, государствах современного мира (например, есть ли пролетариат в Японии или Швеции) — это другая проблема. Проблему можно расширить, включая в нее, скажем, вопросы: а) проживания 9 млн. трудящихся Узбекистана ниже черты бедности, б) развертывания у нас частной собственности и т. п.

По существу мы эту проблему здесь не рассматриваем, а ограничимся лишь концепцией о том, что в СССР в принципе построен социализм. Ergo: поскольку социализм содержит в себе неантагонистические классы (рабочих и колхозников), следовательно, антагонистические противоречия беспочвенны, отсутствуют.

3. Антагонизм — стремление одной стороны победить (или уничтожить) другую сторону (вне антагонистических классов), при этом сохраняя свое существование (в противоположность антагонистическим классам, которые, уничтожая другую сторону, ликвидируют и себя в прежнем качестве). Антагонизм делится на две подгруппы:

а) антагонизм диалектический (двухсторонний) — обе стороны одинаково наступающие (дуэль, борьба боксеров, драка между хищниками, обоюдная драка двух людей или двух групп людей);

б) антагонизм метафизический (односторонний) — одна сторона, проявляя свою агрессивность, наступает против появляющейся противоположной стороны, которая стремится обороняться (кошка — мышка, волк — баран, оса — человек, разбойник — его жертва).

Итак, главное — диалектические противоречия проявляются везде и всюду; антагонистические противоречия имеют место только в обществах с антагонистическими классами, а антагонизм — в животном мире и во всех человеческих обществах, включая социализм.

V. Человеческий фактор как раздвоенная система. Понятие «человеческий фактор» в различных дискуссиях¹⁹ связывают с «личным фактором», «политическим фактором», «субъективным фактором», «общественным фактором». Однако все это — человеческие факторы, а нечеловеческого или нефакторного здесь ничего нет. Значит, нет и диалектического противоречия между этими дефинициями, разве что между более общим и более частным. Альтернатива «человеческому фактору» — нечеловеческие факторы: «машинный фактор» (включая «технический фактор», «технологический фактор»), а также «географический фактор», «естественный фактор», — все то, что относится не к человеческой деятельности, не входит в «человеческое». Это — первое противоречие, внешнее.

Второе противоречие — внутреннее: поскольку человек сам, как биосоциальное существо, противоречив, человеческий фактор — тоже противоречив. Иначе быть не может. «Человеческий фактор» содержит в себе противоположные тенденции, направления, цели, характеры, качества и т. д. Одним словом, и хорошее, и плохое есть одновременно в каждом человеке:

¹⁹ Зинченко В., Коваленко Г., Мунипов В. Возможности человека и новая техника//Коммунист. 1986. № 9; Крутова О. Н. Человеческий фактор: социально-философский аспект//Вопросы философии. 1987. № 8; Яковлев Е. Г. Винтик, фактор или личность//Философские науки. 1988. № 2; О человеке и человеческом факторе: новые подходы и решения//Коммунист. 1988. № 7; Проблемы человеческого фактора и его активизации//Психологический журнал. 1988. № 2.

положительные черты

активность
вдохновенность
воспитанность
внимательность
деловитость
заинтересованность
инициативность
компетентность
оперативность
ответственность
сознательность
творчество
трудолюбие
умение
энергичность

отрицательные черты

бюрократизм
взяточничество
догматизм
делячество
зазнайство
злоупотребление
карьеризм
консерватизм
очковтирательство
пьянство
подхалимство
пассивность
тунеядство
угодничество
хулиганство

Список этот можно легко продолжить.

Нет такого человека, чтобы он обладал только положительными или только отрицательными чертами человеческого фактора. Разница лишь в том, что у кого-то чего-то больше, чего-то меньше, и наоборот. Это в принципе. Практически же некоторые черты у некоторых людей отсутствуют вовсе. В итоге появляются хорошие или плохие люди. Все эти полярно противоположные черты вместе и есть человеческий фактор. Так что, когда говорят: «Надо активизировать человеческий фактор», — возникает, естественно, вопрос: все его черты? Разумеется, нет! Только положительные. Отрицательные же следует изживать.

Итак, человеческий фактор носит противоречивый системный характер, компонентами которого, например, являются: знание, сознание, ответственность, опыт, способность, интерес, воспитание и т. д.

Эти качества мы взяли здесь в нейтральном виде. Но в действительности каждое из них противоречиво и означает узловые пункты, которые одновременно содержат в себе реальные ответы на вопрос: «есть» или «нет».

Из-за противоречивости человеческого фактора возникает противоречивость взглядов на общественные процессы. Отсюда и другие последствия разных масштабов. Так, если считать, что в стране с почти 300-миллионным населением, различным по социальному составу, представляющим свыше 100 народов и народностей, должна существовать только одна партия единомышленников, то это не будет истинным, ибо каждый человек, партийный или беспартийный, противоречив. Различные отрицательные черты человеческого фактора присутствуют и в сознании, и в деятельности тех или иных коммунистов. Поэтому для уменьшения «плохого» и усиления «хорошего» уже задействуются два механизма: а) плюрализм в партии, б) многопартийность. Функция первого — разрешение противоречий внутри одной партии, а второго — между партиями. Отсюда и следует практический вывод: «КПСС стремится к сотрудничеству с движениями и организациями социалистической ориентации, диалогу и равноправному партнерству со всеми прогрессивными идейно-политическими течениями. Партия готова к созданию с ними политическими блоками»²⁰.

Побуждающий мотив очевиден: преодолеть консервативное и расчистить путь к прогрессивному. А цель — построить гуманный, демократический социализм.

Как видим, обсуждаемая проблема имеет не только важное теоретическое, но и большое практическое, политическое значение, весьма актуальное в условиях перестройки.

²⁰ К гуманным, демократическому социализму (Программное заявление XXVIII съезда КПСС)//Правда. 1990. 15 июля.

Х. ЗИЯЕВ

ЗАВОЕВАНИЕ БУХАРСКОГО И ХИВИНСКОГО ХАНСТВ ЦАРИЗМОМ

В начале 1990 г. на страницах данного журнала была опубликована наша статья, где речь шла о покорении царизмом Ак-Мечети, Туркестана, Аулие-Аты, Чимкента, Ташкента и других местностей, принадлежавших Кокандскому ханству¹. Установление на этой территории господства Российской империи открывало широкие возможности для дальнейшего развертывания завоевательных походов царских войск.

По логике событий ареной последующих столкновений должна была стать территория Бухарского ханства. Однако бухарский эмир Музаффар, беспечный и пассивный по своей натуре, долго не предпринимал решительных действий. Это вызвало бурное негодование всех кругов населения ханства. Особое недовольство проявляли представители интеллигенции и духовенства, которые открыто обвиняли эмира в трусливости и неоперативности. Призвав население встать на защиту страны, они окружили дворец эмира и забросали его камнями².

Недовольство поведением эмира достигло такой степени, что кушбеги «дал знать эмиру о грозящей ему опасности и советовал не появляться в Бухаре»³.

Когда эмир по случаю праздника «хайит-байрами» решил посетить могилу мусульманского святого Богаутдина Накшбанди и направился с этой целью в центр города, люди по дороге осыпали его упреками, обвиняя в предательстве. Они указывали также, что деньги, собранные для борьбы с царизмом, были израсходованы не по назначению⁴. Эмир, поняв грозившую ему в городе опасность, повернул вместе с сопровождавшими его лицами в сторону Гиждувана. Однако «по пути следования эмира народ разбегался из селений и на каждом ночлеге в комнату, им занимаемую, подбрасывали записки, в которых говорилось,

¹ Зияев Х. К истории завоевания узбекских ханств царизмом // *Общественные науки в Узбекистане*. 1990. № 1. С. 22—30. Пользуясь случаем, отметим, что недавно была опубликована содержательная статья туркменского ученого М. А. Анзанепесова «Присоединение Туркменистана к России: Правда истории» (*Вопросы истории*. 1989. № 11). Автор на основании убедительных фактов показывает несостоятельность утверждений отдельных лиц о «добровольном» вхождении Туркменинии в Россию.

² Ахмад Махдум Дониш. Рисола ё мухтасаре аз таърихи салтанати ханодани Мангити. Сталинабад, 1960. Л. 44.

³ Москва. 1868. № 45. Следует отметить, что эмир Музаффар скомпрометировал себя и тем, что вместо того, чтобы удовлетворить в 1865 г. просьбу ташкентцев о помощи против царизма, он совершил поход в Коканд и тем самым опосредствовал успеху войск генерала Черняева. По словам Ахмада Дониша, эмир категорически отверг просьбу о помощи под предлогом, что он считает ниже своего достоинства сражаться с какой-то частью царских войск, если, мол, он захочет сражаться, то совершит поход прямо на Москву или Петербург (Ахмад Махдум Дониш. Указ. соч., л. 42, 47).

⁴ Там же.

что он будет убит», если не примет мер к изгнанию царских войск из Средней Азии⁵.

Под давлением общественности эмир предпринимал отдельные меры, направленные на укрепление крепостей. В частности, он выделил более 100 тыс. танга для повышения обороноспособности Джизакской крепости, бывшей важным стратегическим пунктом эмирата. Здесь была возведена вторая крепостная стена высотой 11 и шириной 8 газов, а также прорыта канава и в нее напущена вода⁶. Вместе с тем в Джизак один за другим прибывали со своими войсками правители Ура-Тюбе — Аллафер диванбеги, Заамин — Джиян Ходжа туксаба. Подошли военные силы и из самой Бухары. Командование всеми войсками было поручено Якуббеку кушбеги⁷. В результате всех этих мер оборона Джизака стала более или менее надежной.

В конце января 1866 г. генерал Черняев с 14 ротами пехоты и 6 сотнями казаков при 16 орудиях двинулся из Ташкента к Джизаку. Там произошли ожесточенные сражения между защитниками крепости и царскими войсками, с обеих сторон было много убитых и раненых⁸. Особый героизм проявили защитники Джизака во главе с Джиян Ходжа туксабой, которые, выйдя из крепости, отчаянно сражались с силами противника.

Генерал Черняев, потерпев неудачу, отступил, преследуемый 8—10-тысячным отрядом защитников города⁹. По данным одной из русских газет того времени, Якуббек информировал эмира Музаффара о том, что «русский отряд разбит... Ушли со стыдом, с обритыми бровями и что за освобождение русских¹⁰ можно потребовать не только Ташкент, но и Чимкент и Туркестан»¹¹.

Это событие вызвало восторженный отклик в Бухаре. Эмир объявил всеобщую мобилизацию. В результате было собрано многочисленное войско и ополчение. По одним данным, численность их доходила до 60 тыс.¹², а по другим, — до 100 тыс. человек¹³. Многие из ополченцев, однако, были вооружены палками и тому подобными предметами.

Эмир Музаффар во главе этого войска и ополчения прибыл сначала в Джизак, а затем в местность Сассик-кул (на левом берегу Сырдарьи). Отсюда одна часть войска и ополченцев отправилась на правую сторону Сырдарьи, к Чирчику, а другая — в крепость Чардара. Бухарские войска подступили даже к границам Ташкента. Но все это не дало желаемых результатов. Вместо того, чтобы руководить военными действиями, эмир развлекался в своем шатре музыкой и игрой в шахматы. Он был настолько уверен в победе, что приказал своим чиновникам позаботиться о сохранении русской казны и по возможности не убивать пленных, чтобы использовать их в дальнейшем как военных специалистов для укрепления бухарского войска¹⁴.

Навстречу бухарцам двинулись царские войска под командованием генерала Романовского, насчитывавшие 14 рот пехоты, 500 казаков при 20 орудиях и 8 ракетных станках¹⁵.

8 мая 1866 г. в урочище Ирджар (местность Сассик-кул) завязался бой, в результате которого бухарцы потерпели поражение. Многие

⁵ Там же.

⁶ Мирза Мухаммад Абдалазим Сами Бустони. Тухфашах. Ркп. ИВ АН УзССР, инв. № 2091, л. 200 об.

⁷ Ахмад Махдум Дониш. Указ. соч., л. 44.

⁸ Мирза Мухаммад Абдалазим Сами Бустони. Указ. соч., л. 201.

⁹ Русский инвалид. 1866. № 108.

¹⁰ Здесь, по всей вероятности, имеется в виду освобождение русских послов, арестованных в Бухаре.

¹¹ Русский вестник. 1868. № 2.

¹² Голос. 1867. № 3.

¹³ Ахмад Мухаммад Дониш. Указ. соч., л. 50.

¹⁴ Там же, л. 49 об.

¹⁵ Туркестанский сборник. Т. 78. С. 158.

были убиты или ранены, а остальные разбежались в разные стороны. По словам очевидца, «закипел ожесточенный бой, и в миг все поле от первых завалов до бухарского лагеря было устлано трупами»¹⁶. Эмиру удалось спастись бегством. В качестве трофеев победителям досталось 22 орудия разных калибров, более 670 пудов пороха, 220 тыс. патронов и другое снаряжение. Это поражение нанесло серьезный удар престижу эмира и его военным силам.

В ночь с 19 на 20 мая 1866 г. царские войска начали бомбардировку г. Ходжента из 18 орудий и 8 мортир. Утром 21 мая войска начали штурм города, но из-за отчаянного сопротивления защитников они не смогли ворваться в крепость. Озлобленные этим царские войска в течение трех дней подвергали Ходжент массированному обстрелу¹⁷, что вызвало массовые разрушения в городе и гибель большого числа его защитников и мирного населения. В конечном счете царским войскам удалось штурмом овладеть городом, где «защитники отставали его шаг за шагом, устраивали баррикады, ставили за ними орудия и занимали выходящие на улицы дома стрелками»¹⁸.

О том, насколько это сражение было ожесточенным, можно судить по тому, что из числа защитников было убито 20,5 тыс. человек, «трупы собирались и хоронились в продолжение недели»¹⁹. Число раненых было также велико. Со стороны же завоевателей было убито 5 человек, контужено 57 и пропало без вести 6 человек²⁰. У защитников было отобрано 54 орудия различного калибра. 28 мая 1866 г. царскими войсками была захвачена бухарская крепость Нау, расположенная к югу от Ходжента.

1—2 октября 1866 г. царские войска вступили в сражение с 4-тысячным отрядом защитников Ура-Тюбе, которые, понеся большие потери, вынуждены были сдаться. Победителям достались свыше 50 орудий больших и малых калибров и другие трофеи.

Следующим объектом захвата царских войск стал г. Джизак, который, по словам очевидца, «был во всех отношениях самой сильной крепостью из встречавшихся до сих пор в Средней Азии»²¹. Над укреплением этой крепости в течение восьми месяцев трудилось несколько тысяч человек. Стены были тройными, и каждая усиливалась рвами глубиной до 11 аршин²².

11 октября 1866 г. царские войска под командованием генерал-адъютанта Н. А. Крыжановского, окружив Джизак, начали обстреливать город. Защитники стойко оборонялись. В их числе сражался и афганский военный отряд во главе с Искандербеком²³, который особенно

¹⁶ Там же.

¹⁷ Современное обозрение. 1867. № 5.

¹⁸ Там же.

¹⁹ Там же.

²⁰ Там же.

²¹ В газете «Русский вестник» (1868. № 3—5) очевидец писал: «Едва переступил я черту джизакских стен, это — невиданная до сих пор мною в азиатских крепостях громадность фортификационных построек, вблизи казавшихся еще громаднее, нежели с нашей батареей. Длинною, непрерывною линией тянулась грозная передняя стена, унизанная многочисленными башнями. Глубокий ров, как мне показалось, таких же размеров, как и ров перед переднею стеной, находится и перед второй стеной. Вся внутренность крепости покрыта была оборонительными работами. Куда ни помотришь, везде стена, ров, опять стена, и все это таких размеров, какие едва ли где можно встретить. Каких страшных трудов, каких невероятных усилий должна была стоять эта гигантская работа? Всех стен было четыре. Первая стена крепости была монументальной постройкой, длиною около четырех и толщиной около трех сажен».

²² Туркестанский сборник. Т. 52. С. 274.

²³ Мирза Мухаммад Абдалазим Сами Бустони. Указ. соч., л. 209 об. Искандербек был сыном правителя Герата. После смерти отца он из-за преследований претендентов на власть вынужден был со своим отрядом в течение 8 лет скрываться в горах и степях Афганистана, а затем перешел на службу к бухарскому эмиру.

отличился в меткой стрельбе из орудий²⁴. В общей сложности численность защитников крепости достигала 10 тыс. человек.

Ожесточенная битва продолжалась 7 дней, но 18 октября 1866 г. царским войскам удалось штурмом овладеть городом, где, по данным местного источника, сражение продолжалось в течение трех часов²⁵.

Весь город, заполненный трупами, ранеными и разрушениями, производил на очевидцев ужасное впечатление. Так, один из них писал: «Мы ехали среди конских и людских трупов, я не берусь передать страшную картину, какую представляет Джизак в эту минуту... Здесь кровь лилась реками. Рядами лежали бухарские воины, простые и знатные, в простых и богатых одеждах, которых не под силу было собрать нашим солдатам»²⁶.

В этом плане обращает на себя внимание и рассказ другого участника событий: «Перед моими глазами были горы человеческих и конских трупов. Несколько секунд я не мог дать себе отчета, что за груды лежат передо мною. Только подъехав ближе, я мог убедиться, что это лежат в несколько пластов люди и лошади, один труп на другом. Из груды этой высовывалась то человеческая нога или рука, то конская морда или копыто»²⁷. В общей сложности было убито 2,5 тыс. человек. Ранено было 600 человек, которые, к удивлению победителей, «не подавали ни одного стога и крика, как тяжелы ни были их раны»²⁸. Они просили только воды, поскольку царское командование еще накануне сражения отвело воду в другую сторону²⁹, что в значительной степени способствовало поражению защитников.

Вообще защитники Джизака оборонялись, как говорится, до последней капли крови, что произвело огромное впечатление на царских офицеров и солдат. Так, один из них писал: «Надо отдать им справедливость — дрались храбро и отчаянно, Часть гарнизона, видя невозможность дальнейшего сопротивления, заперлась в пороховом складе и взорвала себя на воздух, — подвиг, для которого необходимо много хладнокровного мужества и отчаянной решимости»³⁰.

Победителям досталась богатая добыча, состоявшая из разного рода драгоценностей, золотых и серебряных монет, а также большое количество орудий разных калибров, множества коней и т. п.

По словам Ахмада Дониша, после этого поражения в Самарканде произошли трагические события. Правитель этого города Шерали Инак, обвинив духовенство в поражении, начал их избиение со словами: «сколько убьешь суннитов, столько будет мира и благополучия»³¹. Оказывается, он был иранцем и по убеждениям шиитом, враждебно относившимся к религиозному течению суннитов. В результате было пролито немало крови, что привело к восстанию широких кругов горожан. Между повстанцами и войсками правителя завязалась битва, вследствие чего с обеих сторон было убито большое число людей³². Эти события, значительно подорвавшие обороноспособность города, весьма обрадовали царское командование³³.

Царские войска продолжали наступление. Упорное сражение с ними произошло и в местности Янги-Курган, расположенной между Самаркандом и Джизаком. Здесь было сосредоточено, по одним данным, 45 тыс. бухарских воинов и ополченцев. В их числе было 1000

²⁴ Русский инвалид. 1868. № 140.

²⁵ Мирза Мухаммад Абдалазим Сами Бустони. Указ. соч., л. 214.

²⁶ Там же.

²⁷ Русский инвалид. 1868. № 140.

²⁸ Русский вестник. 1868. № 3—5.

²⁹ Там же. № 1.

³⁰ Туркестанский сборник. Т. 52. С. 275.

³¹ Ахмад Махдум Дониш. Указ. соч., л. 57.

³² Там же.

³³ Там же.

эмирских сарбазов, 8 тыс. туркмен, 250 афганцев и 15 тыс. жителей Бухары, а остальные воины состояли «из разного окрестного народа»³⁴; по другим же сведениям, защитников было до 20 тыс.³⁵ Во главе их стояли самаркандский бек, а также бывшие джизакский и ура-тюбинский беки³⁶. Царские войска под командованием генерала Абрамова одержали победу, и защитники вынуждены были оставить Янги-Курган. 5 июля 1867 г. они, однако, напали на крепость, стремясь отбить ее у царских войск, но, потеряв 70 человек убитыми и много раненых, вновь потерпели поражение³⁷.

Крупное сражение произошло на подступах к Самарканду — на Чупан-Атинских высотах, которые обороняли эмирские войска и ополчения. По словам очевидца, «пехотные сарбазы (солдаты) встали в две линии — одна под горой (высотой.— Х. З.), другая на горе, между пехотными линиями и позади их — вся гора была занята бухарской кавалерией и толпами вооруженных жителей. Посреди высоты стояло 20 орудий, направленных на дорогу, по которой нашему отряду надо было идти. Кроме того, в разных местах горы расставлены еще 20 орудий»³⁸.

Царские же войска под командованием генерал-губернатора К. П. Кауфмана разместились у берега р. Зерафшан. 1 мая 1867 г. завязался бой. «Под градом пуль и ядер неприятеля, по грудь в воде переходили солдаты реку» и начали штурмовать высоту³⁹. Хотя защитники занимали в стратегическом отношении самую удобную позицию и численно превосходили неприятеля, но из-за отсутствия у обороняющихся должного руководства царские войска и на этот раз одержали верх. Как указывал Ахмад Дониш, плохо сработали орудия защитников из-за многочисленных неполадок⁴⁰. Тем не менее они «защищались отчаянно, так что многие из бывших уже в делах со здешними азиатцами говорили, что они с их стороны в полевых делах никогда не встречали такого мужественного сопротивления... Телами сарбазов в их красных куртках была покрыта вся передняя возвышенность штурмованной высоты»⁴¹.

Чупан-атинская победа предредила судьбу древнего Самарканда. По всей вероятности, верхушка города, признав дальнейшее сопротивление бесполезным, открыла городские ворота и 2 мая 1868 г. царские войска вступили в Самарканд⁴². В качестве трофеев было взято 21 орудие.

3 мая весть о сдаче Самарканда дошла до эмира Музаффара, который пришел от этого в большое раздражение, «приказав тотчас же казнить вестника... Раздражение мало по малу сменилось тихой

³⁴ Голос. 1867. № 191; Биржевые ведомости. 1867. № 179.

³⁵ Санкт-Петербургские ведомости. 1867. № 191.

³⁶ Голос. 1867. № 191.

³⁷ Русский иивалид. 1867. № 11.

³⁸ Туркестанский сборник. Т. 68. С. 149.

³⁹ Там же.

⁴⁰ А х м а д М а х д у м Д о н и ш. Указ. соч., л. 59.

⁴¹ Уральские войсковые ведомости. 1868. № 43, 46.

⁴² Небезынтересен рассказ очевидца о дворце эмира Тимура: «Здание этого дворца находится в цитадели и ограждено от прочих строений сплошными каменными постройками. Внутри этих построек четыре двора, устланные жженым кирпичом. Дворец довольно обширен и во время нашего вступления был решительно пуст. Вероятно, жители сочли за лучшее очистить его от всяких лишних вещей, как-то: ковров, зеркал и т. п. комнатных украшений. Одна из комнат дворца оклеена обоями, составляющими из себя какую-то коллекцию из различных образцов обоев. Знаменитого зеленого камня не оказалось. Есть какое-то подобие трона и на нем камень (только не зеленый), на том месте, где, по описанию Вамбери, должен быть этот зеленый камень (кук тош). На одном дворе, где находится трон, давались эмиром торжественные аудиенции» (Уральские войсковые ведомости. 1868: № 43—46).

«скорбью... Эмир плакал, говоря, «лучше бы бог лишил меня жизни, чем этого города»⁴³.

Действительно, потеря Самарканда потрясла не только правящие круги, но и все население региона. Это еще больше подорвало и без того пошатнувшиеся позиции Музаффара и его окружения. Последний, окончательно потеряв надежду на успех, был склонен принять мирный договор, предложенный Кауфманом, по которому ханство практически должно было стать вассалом России и выплатить, как сообщает Ахмад Дониш, 170 тыс. золотых монет в качестве контрибуции в царскую казну⁴⁴.

12 мая Ургут, а 16 мая Катта-Курган были заняты царскими войсками. Это вызвало бурное возмущение в широких слоях населения. «Мир,— говорится в одном из источников,— быть может, был бы заключен, если бы дела в Бухаре не приняли оборота, не благоприятного для миролюбивой попытки эмира; в окрестностях Бухары вспыхнуло восстание и мятежники потребовали, чтобы эмир во что бы то ни стало продолжил борьбу с русскими»⁴⁵.

Эмир направил карательные экспедиции в степь «Чули-Мелик», где «собралась основная масса мятежников, вооруженных батниками, ай-болтами и пиками. Несколько атак расстроили толпу мятежников, которые понесли при этом довольно значительную потерю»⁴⁶. Благодаря вмешательству и уговорам духовных сановников восстание утихло.

Сильно обеспокоенный сложившейся обстановкой эмир, созвав специальное совещание беков, поставил вопрос, как поступить с предложением Кауфмана. Один из влиятельных сановников, Усманбек, заявил: «Лучше драться до последней капли крови, чем платить кафирам такую огромную контрибуцию, тем более и народы ханства неотступно просят войны»⁴⁷. Под давлением сторонников войны эмир сосредоточил свои военные силы (15 тыс. кавалерии и 6 тыс. пехоты при 14 орудиях) на Зерабулакских высотах, в 12 верстах от Катта-Кургана⁴⁸. Командование войсками было поручено Ходже туксабе и Усману туксабе — беглому сибирскому казаку, получившему узбекское имя.

В целях оказания морального воздействия эмир обратился к войскам со следующими словами: «Благодарю вас, верноподданные мусульмане, за труды, и уверяю вас, что победа еще за нами. Потеря Самарканда и Катта-Кургана для нас небольшая потеря. Мы потомки Тамерлана, мы покажем, как забирать наши земли.

Мусульмане, я надеюсь, что вы постараетесь показать кафирам, как храбро мусульмане бьются за веру и отечество, народ ожидает победы, чтобы по окончании битвы, встречая вас, он мог говорить, что вы сражались за веру и отечество и уничтожили на своей земле кафиров. На поле битвы будет воздвигнут славный памятник в честь убитых героев, павших на зерабулакской земле. Мусульмане, 125 тысяч тиллей (золотых монет.— Х. З.), которые требует в контрибуцию туркестанский генерал-губернатор, будут выданы от меня в награду вам. Я надеюсь, что вы, мои войска, оправдаете мои ожидания и сотрете грязное пятно, которое носят самаркандцы на своих халатах.

Прощайте, мусульмане, желаю вам успеха»⁴⁹.

Это обращение было прочитано защитникам при пушечных выстрелах.

2 июня 1868 г. царские войска организовали штурм Зерабулакских

⁴³ Туркестанский сборник. Т. 52. С. 429—430.

⁴⁴ А х м а д М а х д у м Д о н и ш. Указ. соч., л. 59.

⁴⁵ Туркестанский сборник. Т. 52. С. 430.

⁴⁶ Там же.

⁴⁷ Там же.

⁴⁸ ЦГА УзССР. ф. И-715. оп. 1. д. 37. л. 11.

⁴⁹ Туркестанский сборник. Т. 52. С. 431.

высот, где «бухарские джигиты со всех сторон бросились в атаку» и завязалась кровавая битва. По словам участника событий, «на Зерабулакских высотах фронтом в пяти верстах стояли бухарцы, построив свои войска в две линии.

Первая линия состояла из постоянных войск бухарской пехоты, имея на правом фланге массу своей кавалерии; во второй линии стояли вооруженные жители и 14 орудий, всего до 50 000 человек... Страшную потерю понес тут неприятель, 1500 неприятельских трупов» лежали на поле боя⁵⁰.

По данным местного источника, сначала царские войска были близки к разгрому, однако Усман туксаба, почему-то протрубив в карнай отступление, повернул свое войско вспять⁵¹.

Тем временем 1 июня 1868 г. вспыхнуло восстание населения Самарканда и окрестных кишлаков. Восставшие прежде всего расправились со ставленниками царской администрации — представителями местной знати за сотрудничество с захватчиками. Вскоре к ним присоединились войска и ополчения шахрисябзских беков — Джурабека и Бабабека⁵². «По всему пути от Катта-Кургана до Самарканда, — писал в своем донесении генерал Кауфман, — мало было видно жителей. Найманы, каракалпаки, китай-кипчаки, кирк-джузы и разные другие племена были в полном восстании и собрались к Самарканду в числе нескольких десятков тысяч при появлении шахрисябзских войск эмирабия, а жители Самарканда, побуждаемые страхом, а может быть, фанатизмом, отворили ворота скопищам Джурабия и вместе с ним штурмовали цитадель Самарканда»⁵³.

Таким образом, Самарканд превратился в очаг вооруженной борьбы против царской агрессии. Однако и на сей раз представители местной знати, в частности упомянутые беки, не смогли организовать выступление народных масс, а наоборот, после поступления сведений о приближении царских войск под командованием генерала Кауфмана, бросив повстанцев на произвол судьбы, ушли по своим домам. Но хотя это оказало отрицательное влияние на моральное состояние повстанцев, тем не менее последние продолжали сражение с царским гарнизоном в Самарканде. После семидневной упорной борьбы, 8 июня 1868 г. прибывшие на помощь гарнизону царские войска во главе с генералом К. П. Кауфманом ворвались в город и жестоко подавили восстание. По приказанию Кауфмана были сожжены базар и лавки. По словам участника событий, поскольку «в осаде принимали участие жители города, то чтобы наказать их за это, войскам был позволен грабеж на два дня»⁵⁴, что ухудшило и без того тяжелое положение горожан.

Одним словом, город пострадал до такой степени, что «представлял груды развалин и пепла», где лежали многочисленные «разлагающиеся и горящие» человеческие трупы⁵⁵. Царские войска потеряли убитыми и ранеными 275 человек⁵⁶. По распоряжению генерала Кауфмана, были расстреляны 19 активных участников восстания, а 19 человек сосланы в Сибирь на пожизненную каторгу.

⁵⁰ Там же. Т. 68. С. 154.

⁵¹ Позже Усман Туксаба был казнен эмиром из-за отказа выполнить его указ об организации нового похода против врага.

⁵² 27 мая 1868 г. они со своими войсками и ополчениями, насчитывавшими от 10 до 15 тыс. человек, сражались с царскими войсками и в местности Кара-Тюбе, но потерпели поражение. 29 мая того же года завязалось сражение в Катта-Кургане между царскими войсками и 30-тысячным отрядом защитников, которые, потеряв 7 тыс. человек, проиграли битву. (ЦГА УзССР, ф. И-715, оп. 1, д. 37, л. 54, 436; Туркестанский сборник. Т. 7. С. 9).

⁵³ ЦГА УзССР, ф. И-715, оп. 1, д. 37, л. 12—13.

⁵⁴ Туркестанский сборник. Т. 68. С. 167.

⁵⁵ Там же.

⁵⁶ Санкт-Петербургские ведомости. 1868. № 205.

После поражения на Зерабулаке и подавления восстания в Самарканде эмир Музаффар и его окружение решили, что дальнейшее продолжение войны с царской армией бесполезно. Поэтому, посоветовавшись с ближайшими сановниками, эмир 23 июня 1868 г. отправил своего посла в Самарканд с соглашением на заключение мирного договора.

Это предложение было принято Кауфманом. По договору, эмир должен был внести в царскую казну контрибуцию в размере 125 тыс. тилля (500 тыс. руб.). От ханства были отторгнуты Самарканд, Катта-Курган и земли в верховьях Зарафшана, которые вошли в состав Российской империи. Вместе с тем эмир был лишен права вести дипломатические сношения с зарубежными странами.

В договоре обращалось внимание и на развитие торговых отношений. Так, российским купцам на территории ханства предоставлялись свобода передвижения, право иметь караван-сарай и приобретать недвижимое имущество. Эмир Музаффар был оставлен на престоле как вассал русского государства⁵⁷. Так Бухарское ханство утратило свою самостоятельность. Музаффар покорно выполнял все условия мирного договора.

Далее театр военных действий переместился на территорию Хивинского ханства. Данный вопрос был обсужден в Петербурге 12 декабря 1872 г. с участием туркестанского, кавказского и оренбургского генерал-губернаторов. На совещании было решено организовать поход против хивинского хана, что было одобрено императором.

В то время как царское правительство вело серьезную подготовку к покорению Хивинского ханства, правитель последнего Санд Мухаммад Рахимхан II вместо того, чтобы организовать оборону на должном уровне, «проводил все время в удовольствиях или городской, придворной жизни, или на охоте»⁵⁸. Вопросами подготовки к войне занимались главным образом придворные сановники, среди которых ведущую роль играл диван-баши Мад-Мурат. По его словам выходит, что ханский двор делал ставку не столько на военную силу, сколько на «недоступность Аму-Дарьи со стороны Кызыл-Кумов»⁵⁹. Сановники считали, что суровые природные условия дорог вокруг ханства будут непреодолимы для царских войск. Это ложное представление было на руку неприятелю. Правда, на дорогах, идущих к ханству, находились ханские крепости, но они были маломощными. Основные ханские силы были сосредоточены главным образом в г. Хиве. Здесь были размещены 2 тыс. конных хивинцев и от трех до четырех тысяч туркмен из племени иомудов. Всего в ханстве имелось около 30 пушек⁶⁰.

В феврале 1873 г. началась подготовка царских войск к наступлению на Хивинское ханство. В целях оказания на население небольшого ханства не только военного, но и психологического давления наступление демонстративно велось явно превосходящими силами сразу с трех направлений: со стороны Ташкента, через Джизак, двинулся отряд во главе с генерал-майором Головачевым (4600 человек), из Оренбурга, через Эмбинский форт, — отряд под командованием генерал-лей-

⁵⁷ Заключение мирного договора вызвало сильное возмущение широких кругов эмирата. В их числе были старший сын эмира Катта-Тюря, а также влиятельные шахрисябзские и китабские беки Джурабек, Бабабек и др. Центром антиэмирской борьбы стал Шахрисябз. Над властью Музаффара нависла серьезная угроза. Сначала он пытался сам разгромить своих врагов, но потерпел неудачу в сражении с Катта-Тюрей. Тогда он обратился за помощью к царскому командованию. 14 августа 1870 г. царские войска разгромили основные силы шахрисябзских и китабских беков, владения которых были возвращены эмиру. Затем царские войска покорили г. Карши, который также был передан эмирату.

⁵⁸ Заметки о Хивинском ханстве, записанные со слов Мад-Мурата, бывшего диван-баши ханства 1873 г. // Санкт-Петербургские ведомости. 1874. № 115.

⁵⁹ Там же.

⁶⁰ Там же.

тенанта Веревкина (3400 человек) и кавказский отряд, через Красноводск, — во главе с полковником Маркозовым (4300 человек), а всего 12 тыс. человек. Общее командование войсками находилось в руках генерала К. П. Кауфмана⁶¹.

В середине мая 1873 г. царские войска вступили в пределы Хивинского ханства. Сломив сопротивление крепостных гарнизонов, они все более приближались к Хиве. Наиболее крупные силы ханства сосредоточились в г. Ходжейли, где было 6 тыс. человек при 6 орудиях⁶². Но потерпев поражение, защитники вынуждены были отступить. Затем царские войска взяли курс в сторону Мангыта. В пути они были атакованы отрядом хивинцев в 3 тыс. человек при 3 орудиях. Отбив несколько атак защитников, царские войска заняли Мангыт, который был «разорен и сожжен»⁶³. Подобные сражения имели место и в дальнейшем. Особенно отчаянное сопротивление оказывали иомуды, за что подполковник М. Д. Скобелев наказал их «по их заслугам»⁶⁴.

Наиболее упорные бои происходили в г. Хиве, окруженной со всех сторон царскими войсками⁶⁵. Обе стороны ожесточенно бомбардировали друг друга. По словам очевидца, «хивинцы открыли сильный ружейный и фальконетный огонь со стен города»⁶⁶. Особенно жаркие схватки завязались 29 мая 1873 г. В этот день «после 24-х выстрелов были пробиты отверстия как в самой стене, так и в воротах... Первым через пролом вошел полковник Скобелев, вторым поручик граф Шувалов, третий капитан Агеев. Едва наши войска ворвались в Хиву, как неприятель дал залп с кладбища и бросился на нас с дикими криками. Завязался ожесточенный бой»⁶⁷.

Во время битвы под стенами Хивы правитель Мухаммед Рахим II, бросив защитников на произвол судьбы, убежал в степь и послал своего представителя к генералу К. П. Кауфману с предложением заключить мирный договор. В связи с этим генерал К. П. Кауфман отдал приказ прекратить обстрел города. По его приглашению Саид Мухаммад Рахим II прибыл в ставку и признал себя побежденным. Тут же, 12 июня 1873 г., было принято постановление о прекращении войны и освобождении рабов в ханстве. Хотя в дальнейшем продолжалось сопротивление отдельных отрядов хивинского войска, в частности иомудов, но успеха оно не имело.

12 августа 1873 г. между Россией и Хивинским ханством был заключен мирный договор, согласно которому земли на правом берегу Амударьи вошли в состав Туркестанского генерал-губернаторства, хан лишился права вести самостоятельные сношения с зарубежными странами. Российским купцам на территории ханства были предоставлены широкие права. В качестве контрибуции ханство должно было выплатить 2 млн. 200 тыс. руб.

В заключение считаем нужным привести высказывание одного из современников и очевидцев описываемых событий, М. Зиновьева: «Следивших за ходом военных событий в Средней Азии наверное поразит тот странный факт, что ни один сколько-нибудь значительный город не сдался до сих пор на капитуляцию, несмотря на то, что в течение продолжительной войны мы взяли один за другим множество

⁶¹ В состав войска были включены и высокопоставленные лица из императорской семьи, в частности великий князь Константин Константинович, а также князь Евгений Максимилианович Романовский, герцог Лейхтенбергский. См.: Инженерный журнал. 1874. № 1.

⁶² Московские ведомости. 1873. № 155.

⁶³ Там же.

⁶⁴ Там же.

⁶⁵ Туркестанский отряд (из Ташкента) находился на Хазараспской и Ханкинской, Красноводский — на Ургенчской, а Оренбургский — на Газаватской дорогах.

⁶⁶ Туркестанский сборник. Т. 86. С. 42.

⁶⁷ Там же. С. 44.

городов штурмом, заканчивая каждый раз штурм кровопролитием. Азиатцы, конечно, очень хорошо знают страшные подробности этой кровавой летописи наших военных действий в Средней Азии, но тем не менее все города и крепости, встречавшиеся на пути наших завоеваний, мы брали силой»⁶⁸.

Так царизм, пользуясь военно-техническим превосходством, силой утвердил свое господство над Бухарским и Хивинским ханствами, ставшими на многие десятилетия протекторатами, а по сути — колониями Российской империи.

---

⁶⁸ Русский вестник. 1868. № 5.

НАУЧНЫЕ СООБЩЕНИЯ

О СПЕЦИФИКЕ ЭТАПОВ ФОРМИРОВАНИЯ ОБЩЕСТВЕННОГО МНЕНИЯ РАБОЧЕГО КЛАССА

В современных условиях исключительное значение приобретает анализ проблем, связанных с формированием активного общественного мнения, отвечающего интересам перестройки. Ведущая роль в этом процессе принадлежит общественному мнению рабочего класса. «Мы всегда особое значение придавали мнению рабочего класса — определяющей силы нашего общества, самого многочисленного класса, от позиции которого зависит в решающей степени судьба любой политики»¹.

Как и всякое духовное явление, общественное мнение рабочего класса формируется в известной закономерной последовательности. Обычно выделяют три этапа формирования общественного мнения: 1) возникновение чувств и представлений в сфере индивидуального сознания, когда люди непосредственно переживают событие, рассуждают о нем и оценивают его; 2) живой обмен между людьми своими чувствами и представлениями, взглядами и оценками; на этом этапе начинается процесс становления собственно общественного мнения; 3) объединение различных мнений вокруг основных точек зрения и формирование в процессе дискуссий общего мнения².

В целостном процессе формирования общественного мнения каждый этап играет определенную роль. Выяснение и учет особенностей каждого этапа имеют важное значение для конкретизации и целенаправленности процесса формирования общественного мнения рабочего класса.

Формирование общественного мнения возможно лишь через формирование индивидуальных мнений, ибо только индивидуумы как представители группы или класса могут быть реальными носителями мнений. Индивидуальное мнение — это форма проявления индивидуального сознания, содержащая оценку каких-либо явлений, событий общественной жизни. Данная оценка обусловлена социальным положением индивида, уровнем развития его сознания, его интересами и мировоззрением, существующей системой передачи информации.

Особое место в процессе формирования общественного мнения рабочего класса принадлежит трудовому коллективу. Именно здесь в ходе общения осуществляется обмен взглядами, переживаниями, чувствами, мыслями, оценками между рабочими. В коллективах, отмечали основоположники научного коммунизма, «предметом обмена мнениями между рабочими служат не только их непосредственные потребности как рабочих, но и их потребности как людей»³.

Этот обмен является постоянной и жизненной необходимостью, ибо без него невозможно целесообразно организовать совместные действия людей, добиться успехов в производственной деятельности. Он содействует оформлению и укреплению общественного мнения, ликвидации в нем элементов старых, отживших взглядов, оценок, установок, представлений, словом, переходу его к новому качественному состоянию. Обмену мнениями в коллективе способствуют средства массовой информации и пропаганды (печать, радио, телевидение, кино), заводские печать и радио, средства наглядной агитации, лекционная пропаганда, политическая информация, деятельность партийных, профсоюзных и других общественных организаций и т. д.

Одно из действенных средств формирования общественного мнения трудового коллектива — рабочее собрание как активная форма приобщения членов коллектива к обсуждению актуальных вопросов (важных для этого коллектива, общества в целом) и выработке по этим вопросам коллективных решений⁴. Никакие другие фор-

¹ Горбачев М. С. Перестройка рабочему классу, рабочий класс — перестройке: Выступление на встрече в ЦК КПСС//Правда. 1989. 16 февр.

² См.: Уледов А. К. Общественное мнение советского общества. М., 1963.

³ Маркс К. и Энгельс Ф. Соч. Т. 2. С. 57.

⁴ См.: Войнова В. Д. Собрания в трудовых коллективах и формирование общественного мнения//Социологические проблемы общественного мнения и деятельности средств массовой информации. М., 1979. С. 88.

мы общественной деятельности не могут предоставить индивиду столь доступной трибуны для свободного высказывания оценок и суждений, для открытого воздействия на мнения других членов коллектива и тем самым на формирование коллективного мнения. Участвуя в работе собраний, члены коллектива учатся увязывать свой повседневный опыт с общественными, государственными задачами. На собраниях происходит обмен передовым опытом. Отмечаются лучшие члены коллектива, подвергаются критике нерадивые работники и нарушители норм социалистической морали, принимаются решения о мерах поощрения и наказания.

Существенное влияние на формирование общественного мнения в ходе рабочего собрания оказывает ряд специфических характеристик⁵. Так, собрания в трудовых коллективах проходят с определенной периодичностью, что дает возможность всем членам трудового коллектива регулярно высказывать свое мнение и получать информацию о мнениях других людей по тем или иным вопросам. В результате индивид получает возможность внести свой вклад в процесс выработки (формирования) общественного мнения, а коллектив — возможность воздействовать на мнение индивида, приобщая его к общему, в конечном счете, оптимальному мнению. Далее, состав участников рабочего собрания в каждом конкретном случае относительно постоянен. Это дает возможность выступающим принимать во внимание специфические характеристики аудитории, что способствует эффективному влиянию на процесс формирования общественного коллективного мнения. Этому же способствует наличие формальных и неформальных контактов между участниками собрания вне его рамок, т. е. обсуждение поставленных проблем до и после собрания.

Чтобы собрание в полном объеме выполняло свои функции по формированию общественного мнения, необходимы такие условия, как систематичность, демократизм в их подготовке и проведении, вынесение на их обсуждение актуальных политических, экономических и идеологических проблем, свобода критики и самокритики, неукоснительное выполнение решений, принятых собранием.

Сила общественного мнения трудового коллектива, его зрелость и действенность непосредственно зависят от степени информированности членов коллектива. Опыт показывает, что при прочих равных условиях работник, имеющий точную и полную информацию о стоящих перед ним задачах, о перспективах своего предприятия, его успехах по сравнению с другими предприятиями отрасли и т. д., работает более эффективно и производительно. Поэтому обеспечение достаточного уровня информированности членов коллектива — необходимое условие формирования зрелого коллективного мнения.

По данным социологических исследований, проводившихся на металлургических комбинатах Караганды, Нижнего Тагила, Череповецком металлургическом заводе, на «Электростали» и Ивановском заводе чесальных машин, многотиражная газета занимает третье место (после собраний и выступлений руководителей цеха) среди источников, из которых трудящиеся получают информацию о положении дел на предприятии (35,7%)⁶. Это довольно высокая оценка деятельности заводских газет, чье информационное влияние опередило межличностное общение, роль политинформаторов, наглядной агитации. Объяснить это можно тем, что заводские газеты, как и заводское радио, тесно связаны с производством, их материалы потребляются непосредственно на производстве (в обеденный перерыв, «перекур», даже во время производственных процессов можно слушать радиопередачи), без специальных затрат времени.

Многотиражная газета, заводское радио направлены в основном на освещение производственных вопросов, поэтому круг проблем должен быть расширен при помощи политической информации, лекционной пропаганды. Например, такой положительный опыт накоплен в Ростовском объединении «Горизонт»⁷. Там во время обеденного перерыва в течение 10 минут проводят политинформацию по темам, которые определяют сами рабочие. Для этого приглашаются политинформаторы, лекторы, руководители коллектива, что дает возможность не только удовлетворять информационные потребности рабочих, но и решать их личные проблемы прямо в цеху, не дожидаясь дня приема. Такая практика способствует творческому, активному участию рабочих в обсуждении различных проблем и выработке зрелого, действенного коллективного мнения.

Придавая большое внимание политическому информированию трудящихся по всем актуальным вопросам современности, необходимо отдавать приоритет конкретизированной информации, когда важные народнохозяйственные задачи излагаются коллективу в связи с его конкретной ролью в решении магистральных вопросов. Такая форма подачи материала показывает каждому работнику, что он должен делать для повышения эффективности деятельности всего коллектива. По данным социологических исследований, конкретизированная политическая информация ускоряет формирование представлений, способствует активному закреплению в сознании людей пропагандируемых идей, понятий, взглядов, чем существенно сокращает

⁵ Там же. С. 88.

⁶ См.: Пресса и общественное мнение. М., 1986. С. 79—80.

⁷ См.: Высоко ценить мнение коллектива, М., 1980. С. 52—59.

временной разрыв между моментом получения информации и моментом ее предметно-качественного усвоения.

Сформированное при помощи средств массовой информации, политической информации, лекционной пропаганды, рабочих собраний и других средств коллективное мнение обладает рядом характерных особенностей. Коллективному сознанию свойственно переплетение политических, экономических, нравственных взглядов и убеждений людей с их чувствами, настроениями, эмоциями и другими социально-психологическими образованиями. Внутриколлективные отношения всегда носят ту или иную эмоциональную окраску, а коллективные оценки выражаются не столько в рациональной форме, сколько посредством чувств, эмоций. Всегда надо учитывать, что коллективное мнение отличается сильным эмоциональным воздействием на человека.

К особенностям общественного мнения трудового коллектива относят также высокую интенсивность и конкретность суждений. Большинство членов коллектива высказываются чаще всего или положительно, или отрицательно, нейтральными остаются лишь считанные единицы. Так, на вопрос о том, как вы относитесь к нарушению трудовой дисциплины товарищами по работе, только 3,3% рабочих указали на безразличное отношение, а по вопросу о пьянстве — 2,5%⁸.

Надо учитывать и то, что именно мнение рабочих наиболее критично по сравнению с другими социальными группами. Так, анализ мнений рабочих и ИТР химкомбината «Заря» в г. Могилеве показал, что суждение: «Местным газетам и радио лучше не вести критику в адрес своих предприятий, не следует выносить зря «сор из избы» — получило индекс согласия у рабочих — 0,035 (по шкале +1 до -1), а у ИТР +0,017⁹. Столь существенное расхождение свидетельствует о неодинаковой степени критичности. Вот почему так важно изучать мнения рабочих, учитывать их точку зрения при принятии тех или иных решений, поддерживать критические высказывания в местной прессе, радио, на собраниях. Все это в дальнейшем будет способствовать становлению более прогрессивного общественного мнения рабочего класса.

К важнейшим особенностям коллективного мнения надо отнести и то, что оно наиболее управляемо при формировании, чем мнения общества и даже индивида. Следовательно, именно на втором этапе особенно важно подобрать адекватные методы, способы, средства воздействия на коллективное мнение, учитывая все особенности этого коллектива и условия его функционирования и развития.

Третий этап формирования общественного мнения рабочего класса — этап консолидации, синтеза разрозненных мнений вокруг проблем, особо значимых для рабочего класса, общества.

Становление общественного мнения рабочего класса предполагает работу по созданию таких условий, которые ускоряют процесс его формирования. Надо внимательно и своевременно улавливать передовые начинания, суждения рабочих, распространять их, расчищать дорогу новому, прогрессивному, создавать вокруг него соответствующее общественное мнение. Практика показывает, отмечает В. К. Падерни, что мнения, идущие непосредственно от трудящихся масс, вовремя замеченные, качественно проанализированные и распространенные, «намного быстрее проходят в своем становлении все стадии развития и становятся мощным регулятором поведения людей реально ощущаемым фактором воспитания»¹⁰. Участие рабочих в деятельности Советов, общественных организаций способствует правильному выражению интересов рабочего класса и формирует общественное мнение, более полно отражающее настроения, оценки, суждения, характерные для производственных коллективов.

На третьем этапе особое значение имеет использование средств и форм преимущественно общественной деятельности. В связи с этим значительно возрастает роль организаторов и исполнителей, так как от предварительной подготовки и способа проведения обсуждения зависит и своевременное формирование правильного общественного мнения рабочего класса.

На стадии синтеза и консолидации мнений важное место занимают и средства массовой информации и пропаганды (СМИП): печать, радио, телевидение, кино. Соответственно трем функциям СМИП (коллективного пропагандиста, коллективного агитатора, коллективного организатора), выделяют три одновременно действующих способа формирования общественного мнения¹¹. При помощи функции коллективного пропагандиста СМИП оказывают активное влияние на выбор человеком своего поведения, помогают ему определить ценностные ориентации, сформировать индивидуальное или коллективное мнение, совпадающее с общественным, убеждения в необходимости определенного действия. Эта функция позволяет широ-

⁸ Пресса и общественное мнение. С. 77.

⁹ Социологические проблемы общественного мнения и деятельности средств массовой информации. С. 44.

¹⁰ Падерни В. К. Общественное мнение в развитом социалистическом обществе. Казань, 1980. С. 92.

¹¹ См.: Кондрашов П. В. Формула эффективности прессы. М., 1980. С. 46—48.

ко популяризировать идеи, взгляды, оценки, лучшие формы и методы общественного труда.

Функция коллективного агитатора способствует мобилизации усилий человека на то, чтобы держаться в пределах избранной им линии поведения, концентрации его воли, направленной на осуществление действий, вытекающих из сформировавшихся убеждений. Эта функция призывает усваивать, принимать идеи, взгляды, лучшие формы и методы труда.

Выполняя функцию коллективного организатора, СМИП воздействуют на изменение результатов самой деятельности человека, на степень его трудовой и общественной активности, на практический выбор форм, методов и приемов в исполнении им своих профессиональных, должностных обязанностей.

Все три функции СМИП осуществляются методами разъяснения, убеждения и внушения, т. е. методами воздействия на чувства и разум своей аудитории в наиболее оптимальном соотношении рационального и эмоционального. Соотношение рационального и эмоционального необходимо учитывать и при дифференцированном подходе к деятельности СМИП. Печать, радио, телевидение обладают разными возможностями привлечь внимание человека к предлагаемой им информации, что особенно важно для целенаправленного воздействия на формирование общественного мнения.

Так, аудиторию привлекает печатное слово по следующим причинам: информация печатного слова дает всесторонний, комплексный кругозор; обширность, подробность, обстоятельность печатной информации; возможность читать газету когда и где угодно; аудитория высоко оценивает возможность вернуться к прочитанному и читать по собственному выбору. Из сказанного можно сделать вывод, что «предпочтение источников информации (печатного слова, телевизионной или радиопередачи) обусловлено в немалой мере дифференцированными запросами, потребностями аудитории в социальной информации и ее интересами к данной проблематике»¹². Это и означает то, что там, где аудитория удовлетворяется первичной информацией, доминирующую роль играют телевидение и радио. Там же, где потребность в информации углубляется, повышается значение печатного слова, особенно газет, которые в достаточной степени оперативно дают возможность глубже ознакомиться с данной проблематикой.

О распространении печатного слова среди рабочих говорят, например, результаты социологического исследования, проведенного в Таганроге: только 7% опрошенных там рабочих не получали газеты по подписке, а 22% — получали более трех газет; 64% опрошенных рабочих выписывали хотя бы один журнал, 8% — четыре журнала и более¹³. В среднем по стране каждая рабочая семья получает три периодических издания.

Как показывают данные обследования бюджета времени рабочих промышленности, с 1963 по 1980 г. общая продолжительность чтения газет, журналов, книг у рабочих несколько возросла — с 4,2 до 4,5 часа в неделю. Однако, судя по результатам социологических исследований, например в Таганроге, стало меньше регулярных читателей газет (в 1967—1968 гг. ежедневно читали их 92% рабочих-мужчин и 70% работниц, а в 1978 г. — соответственно — 74 и 56%) и больше тех, кто совсем их не читал (в 1967—1968 гг. — соответственно 3 и 10%, в 1978 г. — 8 и 14%)¹⁴.

Чтение предполагает достаточно развитую способность к пониманию и освоению прочитанной информации. Поэтому существенной предпосылкой массового распространения чтения как повседневного культурно-бытового занятия рабочих стало значительное повышение уровня культуры рабочего класса, переход от простой грамотности к среднему образованию. Как следствие этого, более образованные имеют больше книг в домашних библиотеках, активнее подписываются на периодические издания, больше читают.

Важнейшую роль в формировании общественного мнения рабочего класса играет радио. В основе радиовещания лежит звук, к которому в первую очередь относятся человеческая речь, музыка и различные звуковые эффекты. К особенностям процесса восприятия на слух необходимо отнести чрезвычайно большой, в сравнении с другими областями человеческой деятельности, удельный вес эмоциональной памяти. «В силу феномена перекомпенсации — напряженности внимания из-за невидимого говорящего — «дефицит» восприятия восполняется воображением, что в конечном итоге значительно увеличивает силу слова, передаваемого по радио»¹⁵. Специфика радио состоит и в непрерывности, частоте передач на протяжении суток, а также вседесущностью радиовещания, которой способствует и широкое распространение транзисторных приемников. Если учитывать аспекты запросов ауди-

¹² Черныш Л. Специфичность и тематическая дифференциация деятельности СМИП//Идеологическая деятельность СМИП в свете решений июньского (1983 г.) Пленума ЦК КПСС. М., 1984. С. 53.

¹³ См.: Клопов Э. В. Рабочий класс в СССР. М., 1985. С. 284.

¹⁴ Там же. С. 265, 284.

¹⁵ Шерковни Ю. А. Психологические проблемы массовых информационных процессов. М., 1978. С. 70.

тории, то исследования подтверждают, что радиослушатели больше всего ценят, кроме актуальности и оперативности информации по радио и разновидности программной структуры, возможность слушать радио в качестве фона.

Перечисленные характеристики способствуют широкому влиянию на формирование общественного мнения рабочего класса радиовещания посредством его функций коллективного пропагандиста, агитатора и организатора. Так, по данным социологического исследования радиоаудитории Бурятской АССР, 91,2% рабочих считают, что радиопередачи помогают им ориентироваться в международных событиях, что свидетельствует о значительном влиянии информационных материалов на формирование общественного мнения рабочего класса. Не менее важным представляется и влияние радиовещания на практическую деятельность рабочих: 65,2% рабочих утверждают, что после прослушивания радионформации они стремятся прочесть те или иные статьи в газетах и журналах, чтобы узнать еще что-либо о данной проблеме или событии; 49,9% рабочих радио помогло изменить взгляды по какому-либо вопросу. Приведенные примеры говорят о больших резервах радио в формировании общественного мнения рабочего класса, которые необходимо развивать путем улучшения качества и разнообразия программ, ориентированных на рабочую аудиторию¹⁶.

Телевидение стало ныне самым популярным средством массовой информации среди рабочих. Достаточно сказать, что если в 1963 г. затраты времени на телевидение в расчете на одного обследованного рабочего составляли 5 час. в неделю, то к началу 80-х годов — уже до 12—13 час. в неделю.

«Секрет» такой популярности телевидения состоит, видимо, в его специфике. Самое важное свойство телевидения — это аудиовизуальность, которая представляет собой «синтез трех знаковых систем: устной речи, изображения и музыки»¹⁷. Возможности каждой отдельно взятой знаковой системы ограничены, а синтез живого слова, изображения и музыки представляет собой новое качество. Это открывает перед телевидением большие возможности эффективного воздействия на аудиторию, ибо именно аудиовизуальность требует высокой сосредоточенности внимания (что доказывают данные психологических исследований). С условиями восприятия тесно связан и личностный, доверительный характер общения, который продиктован особенностями контакта с телепередачей в домашней обстановке. В силу доверительного характера общения происходит стирание границы между миром происходящего на экране и средой восприятия, и в конечном счете возникает так называемый эффект соучастия.

Аудитории телевидения присуще в первую очередь чувственно-образное познание. Телевизионный звук и изображение воспринимаются одновременно органами чувств (зрением, слухом) и непосредственно воздействуют на эмоциональную сферу сознания. Безусловно, рационально-логическое познание играет в процесс телекоммуникации определенную роль, но в целом телевидение тяготеет к конкретно-чувственному отображению действительности.

Общедоступность, легкость восприятия телевизионных передач способствуют тому, что затраты времени на телевидение, как показывают, скажем, социологические исследования в Таганроге, повышаются у всех групп городских рабочих, причем не только абсолютно, но и относительно, в общей продолжительности культурно-бытовых занятий. Так, у молодых несемейных рабочих-мужчин этот показатель повысился с 25% в 1967—1968 гг. до 41% в 1978 г.; у молодых несемейных рабочих — с 18 до 43%; у семейных рабочих-мужчин, имеющих несовершеннолетних детей, — с 53 до 66%, а у женщин такого же семейного статуса — с 51 до 73%¹⁸. Необходимо учитывать и то, что повышение образовательного и культурного уровня рабочих способствует большей избирательности по отношению к телевизионным передачам.

В результате воздействия различных средств массовой информации и пропаганды, лекционной пропаганды, политинформации, общественной деятельности на третьем этапе отдельные мнения и точки зрения последовательно группируются и объединяются вокруг общих, принципиальных основ обсуждаемых проблем.

Знание последовательности и специфики каждого этапа способствует формированию правильного, активного общественного мнения рабочего класса, действительно влияющего на мнения других социальных групп, способно вызвать перестройку деятельности социальных институтов, изменение поведения лиц, влиять на принятие и осуществление важнейших управленческих решений, т. е. содействовать тем прогрессивным перестроечным процессам, которыми охвачено сегодня все наше общество.

С. А. Абдухакимова

¹⁶ Голубев Е. А. Радио и его аудитория. Улан-Уде, 1971.

¹⁷ Багиров Э. Г. Место телевидения в системе массовой информации и пропаганды: Уч. пособие. М., 1976. С. 109.

¹⁸ См.: Клопов Э. В. Указ. соч. С. 282—283.

НОВЫЕ ПОСТУПЛЕНИЯ ТРУДОВ ИНДИЙСКИХ УЧЕНЫХ В ИНСТИТУТ ВОСТОКОВЕДЕНИЯ АН УЗССР

Долгосрочная программа развития дружеских связей Узбекистана и Индии на 1987—2000 гг. направлена на совершенствование сотрудничества в различных областях соответственно советско-индийской Декларации 1986 г.

Советско-индийские отношения давно и уверенно идут по восходящей линии. М. С. Горбачев справедливо отмечает, что «особенно важно общение людей из разных миров, разных по роду занятий и по взглядам, когда они собираются вместе... Наиболее отчетливо это прослеживается во встречах ученых, писателей, деятелей искусства, культуры»¹.

Следует отметить, что наряду с систематическими контактами между советскими и индийскими научными и культурно-просветительными учреждениями, деятелями науки и культуры, большое значение придается и обмену книгами между учеными наших стран, что обогащает наши знания и позволяет лучше понимать друг друга.

Здесь мы отметим ряд важнейших работ индийских коллег, присланных в дар ученым Института востоковедения АН УзССР.

Многие из них поступили в Институт благодаря усилиям индийского ученого Мансуры Хайдар. Она давно занимается историей народов Средней Азии. Еще 17 лет назад, будучи аспирантом ТашГУ им. В. И. Ленина, она успешно защитила кандидатскую диссертацию и вернулась на родину. В 1988 г. она вновь побывала в Ташкенте для ознакомления с рукописным фондом ИВ АН УзССР. Здесь она собрала значительный материал для будущей монографии по истории народов Средней Азии эпохи Тимуридов. В конце декабря 1989 г. Мансура Хайдар опять прибыла в нашу страну. На сей раз она входила в состав делегации Индии, принявшей участие в праздновании 80-летия старейшего таджикского ученого-востоковеда, ныне покойного акад. АН СССР Б. Г. Гафурова, внесшего весомый вклад в развитие сотрудничества между народами СССР и других стран, в частности Индии.

В последние годы в ИВ АН УзССР побывали многие ученые, писатели, деятели искусства, культуры Индии. В их числе — посол Индии в СССР Нуруль Хасан, Генеральный секретарь Международной организации по развитию культуры Индии Р. Ф. Варма, писательница Кусум Ансал, известный ученый, проф. Музаффар Алам и др. Многие из них интересовались развитием индологии в Узбекистане, вопросами публикации трудов отдельных средневековых ученых на английском языке, разработки совместных научно-исследовательских программ.

В процессе этих контактов происходит и взаимный обмен научными публикациями, а в результате библиотека ИВ АН УзССР непрерывно пополняется все новыми трудами индийских коллег.

Большого внимания заслуживает книга индийского ученого, профессора истории Алигархского мусульманского университета Ирфана Хабиба «Атлас Могольской империи (политические и экономические карты с подробными примечаниями, библиографией и индексом)»². Этот труд, опубликованный в 1982 г., составляет 103 с. Атлас представляет собой весьма обстоятельное исследование по описанию политических и экономических карт Южной Азии XVI—XVII вв. (прилагается 31 карта).

Книга, как подчеркивает автор, подготовлена на основе множества средневековых источников, в частности «Айн-и Акбар» Абу-л Фазла Аллами, составившего в свое время географический справочник, а также ряда других персидских рукописей, документов и отчетов путешественников. Широко использованы и современные карты, литература, а также ранние исследования историков.

Довольно подробно рассматривая Южную Азию, автор делит ее на 16 регионов, каждый из которых пронумерован отдельными политическими и экономическими картами (размер 1:2 000 000). В политическом разделе Иrfan Habib приводит свыше 4000 названий мест с указанием границ провинций (субы) и их округов (саркары), а также автономных и независимых княжеств. В разделе «Экономика» дается подробное описание дорог, каналов, приводятся наименования полезных ископаемых, разновидностей минералов, сельскохозяйственных культур, различных изделий, шахт и т. д. Что касается направления рек, то они описаны точно так же, как это имело место в XVII в. Ценность атласа заключается и в авторских примечаниях как к политическому, так и к экономическому разделу. Из них читатель может извлечь интересные сведения по каждой местности и т. п. Кроме того, приводится список монографий по исторической географии различных регионов. В работе имеется таблица, в которой указаны размеры земельных площадей и взимаемых налогов в империи Бабуридов. В указателе книги даны термины текстильного производства XVII в.

Представляет интерес и другая работа Ирфана Хабиба — «Крестьянство в

¹ Горбачев М. С. Перестройка и новое мышление для нашей страны и для всего мира. М., 1988. С. 156—157.

² Irfan Habib. An Atlas of the Mughal Empire: Political and Economic Maps with Detailed Notes, Bibliography and Index. Oxford University press. Oxford — New York, 1982.

истории Индии»³, опубликованная в 1982 г. в Алигархе (47 с.). В ней характеризуются труды историков Д. Дамодора, Р. С. Шармы и др. Анализируя их, автор отмечает их вклад в развитие исторической науки в Индии, раскрывает различные формы землевладения представителей господствующего класса, роль и место крестьянства.

Ирфан Хабиб — видный ученый, известный и за пределами Индии. Основная тема его исследований — экономическая и политическая история народов средневековой Индии. Он — автор ценного монографического труда «Аграрная система Могольской Индии (1556—1707)». Ирфан Хабиб — один из редакторов Кембриджской экономической истории Индии (т. I). Его содержательные научные статьи часто публикуются на страницах журналов Академии наук Индии.

Интересна и монография Сатья Пракаш Гупта «Аграрная система Восточного Раджастана (1650—1750)»⁴, опубликованная в 1986 г. в Дели (всего 352 с. вместе с библиографией, дополнениями, исправлениями и индексом). В ней исследуется аграрное состояние данного региона в указанный период. Автор особо останавливается на тех районах, которые находились под контролем правителей Касхваха из Амбера (позже Джайпура) и составляли в свое время основную часть Восточного Раджастана.

В работе широко использованы первоисточники как на персидском, так и на раджастанских языках, обнаруженные в Государственных архивах Раджастана, Баканера и др. В них особенно ценны сведения о различных налогах, взимавшихся в то время.

Труд С. П. Гупта состоит из 10 частей: Введение. Княжество Амбера. Сельскохозяйственная продукция. Аграрная торговля. Структура земельных прав. Зажиточное крестьянство. Система сельских налогов. Административное управление земельных налогов. Система джагирдарства. Система сельского хозяйства.

Монография снабжена примечаниями, избранными документами на раджастанских языках, за которыми следует краткое резюме на английском языке наряду с комментариями.

Особого внимания заслуживает персоязычное сочинение «Завоевание Султана-та или Шах-нама-и хинд Ислами»⁵. Оно повествует об истории мусульманских завоевателей и правителей Индии, начиная с газнавидского периода до составления данной рукописи (1550). Дед автора, Малик Иззад-дин Ислами был известным амиром при султани Балбане. Когда султан Мухаммад бин Туглак двинулся походом в Даулатабад (Малику тогда было уже 90 лет), он приказал ему идти затем в Деккан. Вскоре Малик умер, но его внук дошел до Даулатабада. Когда султан Алауддин Бахман шах провозгласил себя независимым правителем в Деккане, Ислами поступил на службу при его дворе. Правителю он и посвятил свой труд, составленный в очень короткие сроки (за 5 месяцев).

Персидский текст, подготовленный к печати доктором Агай Мехди Хусейном, был опубликован в Агре в 1938 г., а другое издание — А. С. Уша увидело свет в 1948 г. в Мадраसे. Ага Мехди Хусейн был не только переводчиком указанного источника, но и написал комментарии к нему.

Перевод «Завоевания Султаната...» опубликован в III томах. В I томе рассматриваются события, происходившие в период правления Газнавидов вплоть до завоеваний Гуридов (207 с.). Опубликован он в 1967 г. в Бомбее. Во II томе излагается история султанов от завоеваний Гуридов до середины XIV в. (643 с.). Опубликован он в Бомбее в 1976 г. В III томе содержится завершающая часть сочинения, а также индекс ко всему изданию (всего 927 с.). Опубликован он в Бомбее в 1977 г.

Несколько слов о переводчике данного источника. Ага Мехди Хусейн в свое время преподавал политическую историю в колледже Агры. В 1933 г. восточное отделение Лондонского университета присвоило ему степень магистра по философии и истории. Его докторская диссертация «Расцвет и падение государства Мухаммада бин Туглака» вышла в свет в виде книги в 1938 г. Тогда же ему была присвоена степень доктора со стороны Университета за монографию «Государство Султана-та в Дели». Ага Мехди Хусейн проявлял интерес ко многим проблемам истории мусульман. Например, им описаны странствия известного путешественника Ибн Батуты, его жизнь и деятельность, а также различные аспекты индо-иранских контактов.

Труд Бернарда Окейн «Архитектура Тимуридов в Хорасане»⁶ (403 с.) опубликован в 1987 г. издателями Марда. Автор, объясняя причины создания этой монографии, отмечает, что в последние десятилетия в Иране, Афганистане обнаружи-

³ Irfan Habib. The Peasant in Indian History. Kuruchetra, 1982.

⁴ Satya Prakash Gupta. The Agrarian System of Eastern Rajasthan (c 1650—c 1750). Delhi, 1986.

⁵ Futuhu's Salatin or Shah namah-i Hind of Islami. Vols one — three. Department of History. Aligarh Muslim University. Edited by Agha Mahdi Husain, 1967.

⁶ Bernard O'Kane. Timurid Architecture in Khurasan. Marda Publishers in Association with Undina Publications, 1987.

лось значительное число рукописей, ценные сведения которых позволили глубже раскрыть историю архитектуры при Тимуридах.

Книга состоит из двух частей (помимо предисловия и списка сокращений). В I части дана характеристика Хорасана при Тимуридах, подробно описаны его географическое положение, политико-экономическая и культурная жизнь. Во II части: «Гипология и функции» — приведены ценные сведения относительно королевских резиденций и других резидентских зданий, сооружения дамб и каналов, бань, базаров, больниц, мечетей и др. В нее включены также библиография, индекс и несколько приложений. В приложениях мы находим список зданий и имена индийских мастеров периода правления Тимуридов, некоторые изречения из Корана, список чертежей и разрезов. Читатель может найти в книге сведения относительно методов строительства зданий того периода и использованных для них материалов (украшения, кирпичи разных сортов, камни и т. д.). Приведен также список посетителей мечетей и т. п. Отдельно дается каталог памятников. В целом книга представляет огромный интерес не только для специалистов, но и всех интересующихся историей архитектуры Хорасана при Тимуридах.

«Антология султанов Чигатаидов. Могольская хроника периода после смерти Аурангзеба. 1707—1724» Мухаммада Хади Канвар хана⁷ опубликована Музаффар Аламом. В ней освещаются состояние Могольской империи после смерти Аурангзеба, распад ее на самостоятельные княжества, междоусобицы которых ускорили падение Могольского государства. Ряд сведений Канвар хана, относящихся к XVII в., показывают, как тогдашние историки оценивали политические и административные проблемы Могольской империи, взаимоотношения падишаха и знати. Следует подчеркнуть высокую точность хронологии, подробное описание должностей и продвижения по службе известных мансабдаров и джагирдаров. Издание выполнено на основе сличения копий пяти рукописей. Текст дан в основном по Банкурскому экземпляру, который ученые считают самым ранним и хорошо переписанным. Книга издана в 1980 г. в Центре исторических исследований им. Дж. Неру в Нью-Дели под редакцией Музаффара Алама.

Привлекает внимание и исследование самого Музаффара Алама «Кризис империи в Могольской Северной Индии. Авадх и Пенджаб, 1707—1748»⁸. Автор на основе ценных источников освещает распад Могольской Индии, социально-политические изменения в Авадхе и Пенджабе в XVIII в., дает подробный анализ трудов ученых, касающихся джагирдарства и возникновения заминдарства. Весьма ценно то, что автор на конкретных фактах раскрывает, как местные социальные группы установили в Авадхе правило наваби и почему это не удалось сделать в Пенджабе.

Монография издана в 1983 г. в Мадрасе. Автор ее, Музаффар Алам (род. в 1947 г.) — доктор философии, преподаватель средневековой истории Индии в Университете им. Дж. Неру в Нью-Дели. Его перу принадлежит ряд интересных статей по социальной и политической истории Могольской Индии I половины XVIII в.

«Политика и общество в период раннего средневековья»⁹ — так озаглавлен труд К. А. Низами, изданный в 1981 г. Он состоит из трех частей. I часть — «Подход и метод», где автор подробно рассматривает труд Генри Эллнота. Критически анализируя его, К. А. Низами вместе с тем отмечает, что именно Эллноту принадлежит открытие большой роли тюрков в индийском обществе, их влияния на культуру индийцев. II часть включает в себя характеристику политического положения Индии и Азиатского региона того периода, причем автор уделяет большое внимание анализу труда Беруни «Китаб-ул Хинд Ам», где подробно описано состояние религиозной мысли. В III части дано описание средневекового мистицизма. Эта часть состоит из трех самостоятельных исследований. В первом довольно подробно освещается эволюция мистической мысли и институтов в исламе. Во втором кратко, но компетентно прослеживаются жизнь и деятельность Амира Хусрава. В третьем исследовании дан анализ мистических идей Шейха Насруддина Чираха из Дели. Труд Низами, как сообщает сам автор, был написан в течение 1924—1970 гг. Хотя здесь мы привели сведения по всем трем томам, библиотека ИВ АН УССР располагает пока лишь II томом. Данные по двум другим томам почерпнуты из краткой аннотации II тома. В отдельных своих трудах К. А. Низами характеризует разные события и личности периода от арабских завоеваний Синда до середины XIV в.

⁷ Tazkirat us-Salatin Chaghta: A Mughal Chronicle of Post-Aurangzeb Period, 1707—1724. By Muhammad Hadi Khan. Edited by Muzaffar Alam Department of History, Aligarh Muslim University. Asia Publishing House(p). LLD. Bombay—Calcutta, 1980.

⁸ The Crisis of Empire in Mughal North India: Awadh and Punjab. By Muzaffar Alam. Delhi—Oxford University Press, Bombay, 1986.

⁹ Politics and Society during the Early Medieval Period. Edited by prof. K. A. Nizami. Vol. two. Centre of Advanced Study Departments of History, Aligarh Muslim University. People's Publishing House, 1981.

Труд Рафат М. Билграмм «Религиозные и почти религиозные учреждения Могольского периода (1556—1707)»¹⁰ охватывает такие вопросы, как функции и деятельность судей, уголовное законодательство, учреждения по религиозным делам в Могольской Индии, благотворительные дарственные грамоты правителей, состояние народного образования, общественной морали и т. д.

Доктор философии Рафат М. Билграмм преподает в Алигархском мусульманском университете. Объект ее основных исследований — социально-религиозная история и административные учреждения Могольской Индии. Она часто печатается во многих известных индийских журналах.

А. Дж. Сайнд из отдела истории Бомбейского университета выступил в 1985 г. на сессии Конгресса по истории Индии с интересным докладом, который позднее увидел свет в виде брошюры под названием: «Государство, религия и общество в средневековой Индии»¹¹ (34 с.). Материалы, использованные автором, взяты из Могольского архива и представляют большую ценность. В работе приведено немало новых сведений о состоянии государства, религии и общества в мусульманской Индии. Брошюра издана в Амритсаре в 1985 г.

В труде Чалам Муршида «Реакция бенгальских женщин на модернизацию»¹² говорится об изменениях в положении бенгальских женщин во второй половине XIX — начале XX в. Приведены имена передовых людей, таких, как Ромматхан Рой и Ишвар Чандра Вадьясагар, выступавших в защиту прав женщин.

Гулам Муршид защитил кандидатскую диссертацию на бенгальском языке в Университете Дакки. Он — автор ряда интересных статей, касающихся проблем литературы, лингвистики, социологии, истории.

В библиотеку Института поступил также перевод рукописи о деятельности Асаф Хана¹³. Как отмечает переводчик, автор данной рукописи неизвестен. В ней описаны генеалогия, деятельность и жизнь Асаф Хана, его родственные связи с должностными лицами в Иране. Один из родственников, Мухаммад Шариф, как утверждает автор рукописи, был принят на службу Акбар-шахом, внуком Бабура, и занимал при дворе должность «дивана-и буюдат». Рукопись переведена на английский язык Чандра Пантом.

Заслуживает внимания и ряд романов на языке хинди современной писательницы Кусум Ансал. Один из них — «Не пой мне больше песен»¹⁴. В нем описывается жизнь талантливой молодой женщины Садхви, которая, разочаровавшись в неудавшейся любви, находит свое счастье в искусстве. Книга издана в Нью-Дели в 1982 г. По содержанию очень близок к этой книге другой роман Кусум Ансал — «Путешествие под солнечным лучом». Героиня его, Сурекха проходит через тяжкие жизненные испытания.

Кусум Ансал — известная писательница современной Индии — творит свои произведения как на хинди, так и на английском языке. Ее перу принадлежит ряд новелл и рассказов.

Среди книг, подаренных Институту, имеется и коллективный труд (авторы — К. А. Чоудхури, К. С. Сарасват и Г. М. Бат) «Сельское хозяйство и лесоводство в Северной Индии в древние времена»¹⁵.

Проф. Чоудхури — видный ботаник, ранее заведовал ботаническим отделом Мусульманского университета в Алигархе. Долгое время изучал сохранившиеся до наших дней растения, провел большую экспериментальную работу. Книга опубликована в Бомбее Азнатским издательством в 1977 г.

Весьма интересна для широкого круга читателей книга С. Музумдара «Полезно для здоровья людей средних лет через йогу» (163 с.)¹⁶. Данная монография относится ко второй серии книг про йогю. В ней в основном идет речь о здоровье зрелых людей, особенно мужчин, хотя некоторые советы могут быть использованы и женщинами. Основное содержание книги: Жизненный путь человека. Внешний вид людей среднего возраста. Влияние неверных эмоций. Изменения в жизни мужчины и женщины. Как помогает йога человеку. Полезные советы. Упражнения по йоге. Напряжение и расслабление. Указание для начинающих. Педуги и их излечение.

¹⁰ Religious and quasi-Religious departments of the Mughal Period (1556—1707 AD). Rafat M. Bilgrami. Centre of Advanced Study Department of History. Aligarh Muslim University, 1984.

¹¹ State, Religious and Society in Medieval India. Problems and interpretation. A. D. Syed (Medieval India Section. Forty sixth Session. Amritsar. 27—29 Dec. 1985).

¹² Response of Bengali Women to modernization. 1849—1905. Chulam Murshid. Rajahahi, 1989.

¹³ Tazkirat ul umaro. Transl. Chandra Pant. Delhi, 1979.

¹⁴ Sing me no songs. Kusum Ansal (Transl. from the original Hindu by Saraj Vaseshth). New Delhi, 1982.

¹⁵ Ancient Agriculture and Forestry in North India. K. A. Chowdhary, K. S. Saraswat, G. M. Buth. Bombay, 1977.

¹⁶ Healthy Middle Age through yoga. S. Muzumdar. Publishing House Jaiko, 1959.

Книга написана весьма увлекательно, простым, понятным языком. Опубликовано в 1959 г. Издательством Джайко.

Эти и другие книги индийских ученых значительно обогатили библиотеку ИВ АН УзССР. Поступление их свидетельствует о развитии прочных творческих связей между учеными Советского Узбекистана и Индии, в которых весьма активно участвует Институт востоковедения АН УзССР.

Н. С. Кариева

О СИСТЕМЕ ЗЕМЛЕДЕЛИЯ ХИВЫ XIX — НАЧАЛА XX века

(По данным дореволюционной русской литературы)

Одним из малонизученных и недостаточно освещенных остается в научной литературе вопрос о характере хивинского земледелия в период позднего феодализма.

В дореволюционной исторической, историко-географической литературе, а также в русской периодической печати имеется обширный материал по земледельческой культуре оазиса. Записки и сочинения русских путешественников, а также воспоминания и рассказы торговцев и людей, побывавших в невольничестве, ожидают еще широкой научной разработки.

В XIX — начале XX в. Хива представляла собой отсталую аграрную страну. Основное место в сельском хозяйстве занимало орошаемое земледелие. Им было занято свыше 90% населения, причем дехкане владели на правах собственности только 5,3% культурных земель, тогда как в руках эксплуататорской верхушки: хана и его родственников, сановников, беков, баев, духовенства и служилых людей — находились огромные земельные богатства страны, которые обрабатывались трудом безземельных и малоземельных крестьян на началах издольной аренды.

Записки русских путешественников и исследователей дают нам интересные сведения о сельском хозяйстве Хивинского ханства.

«Количество обрабатываемой земли в Хивинском оазисе в точности также неизвестно, но судя по аналогии с Бухарою и русским Туркестаном, оно не должно превосходить 100 кв. географических миль. Остальные земли — степи и болота», — указано в материалах первой половины XIX в.

Подполковник Г. И. Данилевский приводит факты, касающиеся только левобережья Амударьи Хивинского ханства: «Количество обрабатываемой земли, состоящей под пашнями и садами, до 700 000 десятин или 1 866 666 таналов»¹.

Данные Г. И. Данилевского — единственная цифра, определяющая земли ханства по левобережью, которая долгое время использовалась в научной литературе как единственно достоверное сведение. Гиршфельд и Галкин приводят сведения, относящиеся к началу XX в., согласно которым обрабатываемые земли в ханстве составляли 324 000 десятин, а общая площадь культурных пастбищ — 2 005 520 десятин². В. Лобачевский определил в 1909 г. площадь под пашнями в ханстве в количестве 221 127 десятин³.

Побывавшие в оазисе путешественники, исследователи и другие, размышляя о хивинском земледелии, культуре обработки полей, в основном проявляли объективный, реальный подход к вопросу. Они отмечали, что в обработке земли применялись примитивные орудия труда, в частности лопата, местная соха, кетмень и т. п., требовавшие больших физических усилий. Вместе с тем они указывали, что культура орошаемого земледелия в оазисе стояла на относительно высокой ступени. Его главной особенностью было искусственное орошение.

Н. Муравьев писал: «Народы, населяющие Хивинское ханство, занимаются хлебопашеством и садоводством, сия отрасль занятий составляет главнейший их доход»⁴. Г. И. Данилевский так определял занятие населения ханства: «Сельское хозяйство и торговля составляют главные, или лучше сказать, единственные отрасли промышленности хивинцев»⁵. Далее он писал: «Хивинское сельское хозяйство ограничивается хлебопашеством, садоводством и шелководством, прочие же отрасли земледелия не существуют в ханстве»⁶. Исследовавший край в 1873 г. фармацевт

¹ Обзор доступов к Хивинскому ханству//Туркестанский сборник. Т. 82. С. 157.

² Данилевский Г. И. Описание Хивинского ханства//ЗРГО. Кн. V. 1851. С. 123.

³ Гиршфельд, Галкин. Военно-статистическое описание Хивинского оазиса. Ч. II. Ташкент, 1903. С. 142.

⁴ Лобачевский В. Военно-статистическое описание Туркестанского военного округа: Хивинский район. Ташкент, 1912. С. 73.

⁵ Муравьев Н. Путешествия в Туркмению и Хиву в 1819—1820 гг. капитана Николая Муравьева, посланного в сии страны для переговоров. М., 1822. С. 269.

⁶ Данилевский Г. И. Описание Хивинского ханства. С. 111.

⁷ Там же. С. 115.

И. Краузе, делясь своими наблюдениями, писал: «Земледелие в Хивинском ханстве стоит на гораздо высшей ступени развития, чем в Бухарском и Кокандском или Туркестанском крае, с удовольствием каждый смотрит на хивинское поле, которое безошибочно можно назвать образцовой фермой. Это достигнуть можно только веками»⁸. Далее Краузе пишет о способах орошения в оазисе: «Орошение в Хивинском ханстве весьма затруднительная операция, она производится посредством персидских водоподъемных колес, отчего туземцы дорожат каждой каплей воды»⁹.

Путешественники особенно удивлялись способам и средствам ведения земледельческих работ, которые вырабатывались веками в традиционном хозяйстве Хивинского оазиса. «В самой Германии, — отмечал Н. Муравьев, — не видал я таких растений на обрабатываемых полях, как в Хиве, все дома обведены каналами, по ним сделаны везде мостики. Я ехал по прекрасным лужайкам между плодovitыми деревьями, множество птиц увеселяло меня пением. Кибитки и строения из глины, рассыпанные по ним прекраснейшим местам, составляли весьма приятное зрелище»¹⁰. Ту же картину описывала периодическая печать: «Глаз поражается могучими 300- и 400-летними карагачами, широкими раскидистыми тутовниками. Эти могучие старики-карагачи встречаются здесь на каждом шагу, каждая сакля осемена ими. Масса тополей, тут и серебристой маслины также производит чрезвычайно приятное впечатление. Долина Амударьи напоминает лучшие места Зарафшанской долины, Бургундии и Ломбардии»¹¹.

Один из очевидцев писал: «Благодаря искусственному орошению известной части Хивинского ханства, местность эта сделалась удобной для успешного хлебопашества и садоводства. Главнейшее хлебное растение, разводимое в ханстве, — пшеница, которая сеется ранней весной»¹².

В первой половине XIX в. в Хивинском оазисе, в условиях перехода к оседлости в прошлом кочевых племен и родов, отмечалось развитие многих отраслей растениеводства. «Вообще жители, особенно сарты, деятельно занимаются хлебопашеством и садоводством, а потому собственно Хива представляет прекраснейшее зрелище. Во все в ней цветущие луга и поля, богатые жатвы, виноградники и плодовые сады. Всякого рода хлеба здесь родятся гораздо больше»¹³.

Значительные площади были заняты пшеницей, джугарой и другими зерновыми, составляющими одну из доходных статей населения оазиса. «Преимущественно они сеют пшеницу, которая у них чрезвычайно многоплодна, сарачинское пшено, кукурузу, доставляющий хорошее масло, ячмень, коноплю для лошадей, возделывают они растение, называемое джигань, которое также очень многоплодно»¹⁴.

«Пшеница, — писал М. Иваннн, — сеется на пространстве от местечка Питняка до г. Шахабада. Она сеется осенью в конце сентября. На танап сеется от 3 до 5 пудов, в хороший год получают с танапа до 60 пудов. Она поспевает в конце июня»¹⁵.

«Урожай, — отмечал путешественник Голосов, — здесь от искусственного орошения полей довольно хороший и почти постоянный, а излишний от собственного потребления хлеб хивинцы сбывают окрестным кочевым народам»¹⁶. Н. Муравьев, в частности, сообщает, что проездом в Хиву «встретились мы с большим караваном туркменов из поколения човдыр, племени нгыдыр, верблюдов было до 1000, людей до 200. Они... выехали из Хивинского ханства, закупив благополучно хлеб»¹⁷.

В материалах конца XIX — начала XX в., когда ханство находилось уже под протекторатом царизма, отмечается, что в Хиве «под пшеницей было занято около 30% культурной земли, под джугарой около 26%, под хлопком около 17% и под клевером около 15%, а остальная площадь занята посевами других растений»¹⁸.

С развитием в ханстве хлопководства выращивание хлеба отходит на второй план, но общая площадь под зерновыми долго еще оставалась весьма значительной. Основное место среди них занимала джугара, которая использовалась и как продовольственная, и как кормовая культура. «Во время движения нашего отряда, — отмечал Л. Костенко, — наибольшее количество засеянных полей находи-

⁸ Известия ИРГО. 1874. Т. X. С. 40.

⁹ Краузе И. О хивинском земледелии//Туркестанский сборник. Т. 83. С. 180.

¹⁰ Муравьев Н. Путешествия... С. 88.

¹¹ Московские ведомости. 1873. 18 июля.

¹² Русский инвалид. 1873. № 77.

¹³ Хива или географическое и статистическое описание Хивинского ханства, состоящего теперь в войне с Россией. М., 1840. С. 77.

¹⁴ Там же. С. 77—78.

¹⁵ Иваннн М. Хива и река Амударья//Туркестанский сборник. Т. 50. С. 286.

¹⁶ Сборник статей о Средней Азии. Т. I. С. 83 (сост. Гейнсом).

¹⁷ Муравьев Н. Путешествия... Ч. II. С. 81.

¹⁸ Шкапский О. Как хивинцы ведут полевое хозяйство на своих безводных землях. М., 1900. С. 90.

лось под джугарой»¹⁹. «Джугара, — писал М. Иванин, — сеется в большом количестве, преимущественно узбеками, на пространстве от Шахабада к г. Кунграду.

Поля, засеянные этим растением, наводняются от 4 до 6 раз в лето, отчего оно сеется в местах более удобных для наводнения. Семена джугары употребляются в пищу для людей и для корма лошадей. Они весьма питательны»²⁰.

В литературе мы находим и следующие интересные сведения: «Для лошадей в пищу употребляют обыкновенное растение, называемое джюгунь, которое очень многоплодно, зерно оно очень твердо, похоже на гороховину и растет почти как кукуруза.

Бедные люди употребляют его себе также в пищу, но для сего должно его разваривать, таким образом приготовленный джюгунь называется гуджа»²¹.

Г. И. Данилевский замечает: «На базарах ханства цена джугары за батман 1 руб. ассигнациями, зерно которого употребляется в пищу, а стебель заменяет сено для лошадей и другого домашнего скота»²².

В записках М. Иванина говорится: «Джугара сеется в мае и июне месяце. На танап посева выходит от 6 до 10 фунтов, семян собирают с танапа до 100 пудов, стеблей от 250 до 400 пудов. Ствол растения имеет более сажени высоты, толщина его около дюйма»²³.

Исследователь О. Шкапский, определивший джугару как самое любимое растение жителей оазиса, описал способы выращивания данной культуры: «Ярко-зеленые поля джугары напоминают собою заросли камыша. Джугару сеют в мае на хорошо обработанной почве. На пашню под джугару вывозят на десятину 1 000 возов с песком, поле перепахивают вдоль и поперек раз 5—6, столько же раз поливают и после посева вывозят на поле еще 1000 возов солончаку»²⁴.

По словам А. Шахназарова, «нигде не встречается роскошнее джугары, как в Хивинском ханстве и Амударьинском отделе»²⁵. Он подчеркивал, что посевы этого замечательного растения требовали напряженного ухода.

О. Шкапский добавлял, что «джугара очень урожайное растение. На посев идет се пуда два на десятину, а собирают ее от 130 до 260 пудов с десятины, смотря по сорту. Зерна джугары идут в пищу людям в двух видах: или перемолотые в муку или целиком. Из муки пекут лепешки, которые едят только свежими, так как они скоро черствеют. Клецки из джугарового теста идут на приготовление похлебки из пахтанья и зерен маша и лобии. Эта кисельная похлебка — главная пища бедного населения»²⁶.

В течение веков в результате упорного труда хивинского дехканства, несмотря на применение примитивных орудий, культура земледелия в оазисе обогащалась народным опытом полеводства в условиях искусственного орошения. Как отмечали Галкин и Гиршфельд, «обработка земли там на такой высоте, что у туземцев ей можно было бы поучиться нашим крестьянам... Хивинец и со своей первобытной сохой, бороною и малою и с простым по устройству чигирем умеет достигнуть прекрасных результатов»²⁷.

В земледелии оазиса издавна применялась система многополья — севооборот с сочетанием различных культур, в результате чего ни одно поле не оставалось необработанным. Почва обрабатывалась очень тщательно, с применением местных удобрений. Все это обеспечивало получение довольно значительных для того времени урожаев.

С. Наврузов

¹⁹ Костенко Л. От Хивы до Казалинска//Туркестанский сборник. Т. 87. С. 129.

²⁰ Иванин М. Хива и река Амударья. С. 286.

²¹ Муравьев Н. Путешествия... С. 87.

²² Данилевский Г. И. Описание Хивинского ханства. С. 120.

²³ Иванин М. И. Хива и река Амударья. СПб., 1873. С. 23—24.

²⁴ Шкапский Ор. Как хивинцы ведут полевое хозяйство... С. 31.

²⁵ Шахназаров А. И. Сельское хозяйство в Туркестанском крае. СПб., 1908. С. 112.

²⁶ Шкапский Ор. Как хивинцы ведут полевое хозяйство... С. 31.

²⁷ Гиршфельд Ор. Галкин. Указ. соч. Ч. II. С. 157—158.

НОВОЕ В НАУКЕ: ПОИСКИ, НАХОДКИ, ОТКРЫТИЯ

КЕРАМИКА АФРАСИАБА (II в. до н. э. — I в. н. э.)

Многочисленные шурфы, заложенные на Афрасиабе в разное время, дали значительный керамический материал античной эпохи. В публикациях приводятся комплексы керамики, в которых часто бывает переотложенный материал. При крупных плановых раскопках удается собрать более полные комплексы керамики одного времени и четче выделить их.

Началом работ на Афрасиабе эпохи античности и раннего средневековья являлся в этом отношении раскоп А. И. Тереножкина на севере городища. Впоследствии

фундаментально расширенный С. К. Кабановым стратиграфический раскоп (Р-6) дал комплексы, позволившие выделить из них керамику VI—V вв. до н. э., III—I вв. до н. э., II—III вв. н. э., III—IV вв. н. э.¹ Работами М. И. Филанович выявлены комплексы керамики VII—IV вв. до н. э., IV в. до н. э., III—II вв. до н. э.²

Хотелось бы напомнить в этой связи о датировках древнего Афраснаба, предложенных авторами в разное время. А. И. Тереножкин в своей работе «Согд и Чач» предложил для периодов Афраснаб II и III—IV—II вв. до н. э., а для Афраснаба IV—II в. до н. э.—I в. н. э. Со II в. н. э., по его периодизации, там наблюдаются упадок керамического производства и даже заброс города³. Позднее он несколько пересматривает свои датировки, оставляя для периодов Афраснаб II и III—IV—III вв. до н. э. и для Афраснаба IV—II в. до н. э.—I в. н. э.⁴ В описании керамики Афраснаба II и III А. И. Тереножкин выделяет этап наивысшего уровня развития керамического производства, характерный бокалами с валикообразным перегибом на стенках⁵.

Периодизация С. К. Кабанова отводит для периодов Афраснаб II и III—III—I вв. до н. э., а для Афраснаба IV—I—II вв. н. э.⁶ Г. В. Шишкина в 1969 г. предлагает для периодов Афраснаб II и III датировку III в. до н. э.—I в. н. э.⁷, а в 1975 г.—для периода Афраснаб II—IV—III вв. до н. э., а границу между комплексами Афраснаб II и III—рубеж II и I вв. до н. э.⁸

В течение трех археологических сезонов раскопки античного квартала, прилегающего к северной стене Афраснаба, были продолжены нами к востоку от стратиграфического раскопа С. К. Кабанова, в квадрате 31/XVII, где в свое время проводились раскопки Ю. Ф. Буряковым⁹, Л. Г. Брусенко и Э. Ю. Буряковой¹⁰. Первоначальной задачей раскопок было выявление ширины квартала с одновременным плановым стратиграфическим исследованием его. Последующей задачей автор считает изучение всего квартала ткачей, вытянувшегося вдоль северной оборонительной стены, в пределах его грани со времени его основания до полного запустения. Здесь мы охарактеризуем небольшую участок квартала, непосредственно прилегающий к оборонительной стене.

Исследование стратиграфии этого участка показало, что уже в период Афраснаб II к оборонительной стене были пристроены помещения № 14 и 15, над полом которых наблюдались слои заброса этих помещений. Там собраны фрагменты кубков и кубочкаш с полосчатым лощением, относящихся к периоду Афраснаб II. В верхнем слое найден один фрагмент кубка с валиком-перегибом на тулове. В помещении № 13 собран комплекс керамики, аналогичный комплексу из ямы № 9, керамике из помещения № 7. Это кубки и кубочкаши с перегибом на тулове, кувшинны с перегибом на горловине и другие фрагменты керамики, относящиеся к периоду Афраснаб III. Следующий заброс участка квартала у оборонительной стены отмечен ямой в полу помещения. В яме № 10, вырытой в помещении № 13, собрана керамика переходного периода от Афраснаба III к Афраснабу IV, где наряду с красноангобирванными кубками с валиком-перегибом появляются рюмкообразные красно- и коричневоангобирванные кубки без валика-перегиба. Квартал в это время претерпевает значительные изменения, вплоть до прокладки через него дороги.

После непродолжительного заброса помещения № 13 яма № 10 перекрывается полом, жизнь в помещении восстанавливается (пом. № 12).

Вскоре в помещении № 12 проводится перестройка, северная часть его закладывается пахсой; из большого, квадратного в плане помещения образуется узкое, коридорообразное помещение № 10.

К I в. до н. э., скорее всего, относится и пахсовая оборонительная стена, обнаруженная на Р-12¹¹.

¹ Кабанов С. К. Стратиграфический раскоп в северной части городища Афраснаб//Афраснаб. Вып. II. Ташкент, 1973. С. 49, 54, 60, 65, 70.

² Филанович М. И. К характеристике древнейшего поселения на Афраснабе//Афраснаб. Вып. I. Ташкент, 1969. С. 211, 214, 218.

³ Тереножкин А. И. Согд и Чач//КСИИМК. XXXIII. М.; Л., 1950. С. 156.

⁴ Тереножкин А. И. Вопросы периодизации и хронологии древнейшего Самарканда//СА. 1972. № 3. С. 97.

⁵ Там же. С. 94.

⁶ Кабанов С. К. Изучение стратиграфии городища Афраснаб//СА. 1969. № 1. С. 183.

⁷ Шишкина Г. В. Материалы первых веков до нашей эры из раскопок на северо-западе Афраснаба//Афраснаб. Вып. I. С. 238.

⁸ Шишкина Г. В. Эллинистическая керамика Афраснаба//СА. 1975. № 2. С. 76—77.

⁹ Гулямов Я. Г., Буряков Ю. Ф. Об археологических исследованиях на городище Афраснаб в 1967—68 гг.//Афраснаб. Вып. I. С. 279.

¹⁰ Брусенко Л. Г., Бурякова Э. Ю., Филанович М. И. К истории сложения мусульманского кладбища в северной части Афраснаба//Афраснаб. Вып. IV. Ташкент, 1975. С. 100—114.

¹¹ Филанович М. И. К истории сложения городских укреплений Афраснаба//Афраснаб. Вып. II. С. 89.

Ошутимые разрушения квартал ткачей получает в I в. н. э. Западная часть его (Р-6) была настолько разрушена, что ее полностью сносят и на этом месте возникает домовладение II—III вв. н. э. На нашем участке яма № II с керамикой периода Афрасиаб IV прорезала не только стены помещения квартала, но и разрушила край оборонительной стены Правда, стена уже разрушалась несколько ранее, ибо на постройку стен, перекрывших помещение № 10, использовался кирпич с клеймами из оборонительной стены,

Не претендуя на особый пересмотр датировок и тем более на выявление новых форм керамики, нам хотелось бы выделить наиболее яркие признаки некоторых форм сосудов, характерные для керамики периодов Афрасиаб III и IV. Мы считаем возможным сопоставить период первого заброса помещений, прилегающих к оборонительной стене, со временем миграции кочевых племен в конце III—начале II в. до н. э. и датировать исчезновение керамики с различными видами лощения и появлением форм с валиком-перегибом II в. до н. э. Второй период заброса связывается с наплывом кочевых племен в Среднюю Азию, когда Согд оказался на стыке юечжийских¹² и северных кочевых племен. Третий период заброса в квартале ткачей мы связываем с периодом племен культуры «каупчи» в конце I—II в. н. э. в Согд. Предлагаемая датировка Афрасиаба III—II в. до н. э., Афрасиаба IV—I в. до н. э.—I в. н. э. При этом надо учесть, что в I в. до н. э. некоторое время сосуществовали формы Афрасиаба III и IV.

Керамика II в. до н. э. (Афрасиаб III)

Еще А. И. Тереножкиным была замечена отличительная черта — валик-перегиб у кубков периода Афрасиаб III. В комплексах керамики с Р-6а имеются три формы сосудов с характерным признаком, существовавшим только в это время, — это перегиб-валик на кубках, кувшинах и горшках.

Валик-перегиб впервые появляется на кубках переходного периода с полосчатым лощением¹³. Лощение вскоре исчезает со всех сосудов. Находок кувшинов и горшков с валиком-перегибом, украшенных полосчатым или сплошным лощением, на Афрасиабе пока не отмечено.

Первоначальным типом перегиба стал валик. Он опоясывал тулова кубков и отделял горловину кувшинов и горшков от их тулов. Затем у кувшинов и горшков появляются валик-наплыв (образовывался подрезкой или вдавливанием снизу инструментом во время формовки сосуда на гончарном круге) и уступ (образовывался также подрезкой или вдавливанием сверху инструментом при формовке сосуда на гончарном круге).

Кубки (рис. 1, 1—3). Кубки одинаковы по форме, но различны по размеру. Устья кубков в комплексе керамики ямы № 9—10, 12, 13, 16 см, диаметр основания ножек—3, 4, 6 см. Все кубки имеют перегиб-валик на тулове. Ножки невысокие, устойчивые, большинство из них имеют на основании перегиб-наплыв. Сосуды с обеих сторон покрыты ангобом высокого качества красных, красно-оранжевых, красно-коричневых тонов. Тесто хорошо отмученное, с примесью мелкого песка и мельчайших блесков слюды. На более крупных кубках (D=16 см) видны следы сильного износа с внутренней стороны. На внутренней стороне ножки одного кубка процарапан знак, изображающий, скорее всего, алтарь. Возможно, так отмечались ритуальные сосуды.

Эти кубки обнаружены в помещении № 7 (комната с алтарем и хумом для ритуального напитка), в комплексе керамики из ямы № 9 и в ямах с керамикой переходного периода (I в. до н. э.).

Кубки с валиком-перегибом на тулове имеются в керамических комплексах шурфов на Афрасиабе¹⁴ и в керамическом комплексе древней крепостной стены¹⁵.

Кубкочаши (рис. 1, 4—5). Эта форма сосудов в составе керамики II в. до н. э. отмечена в значительных количествах. Они с перегибом, образованным в месте соединения верхней, цилиндрической части и нижней, в виде усеченного конуса. Диаметр венчиков 15—16 см. С обеих сторон они покрыты красным или коричневым ангобом разных оттенков, от светлых до черно-коричневых тонов (обжиг). Износ ангоба наблюдается как с внутренней, так и с наружной стороны. Но сразу же нужно сказать, что в датировке эта форма сосудов более сложна, ибо встречается и в более раннее время¹⁶. Кубкочаши II—I вв. до н. э. следует отличать от кубкочаш IV—III вв. до н. э., одинаковых с ними по форме, но имеющих полосчатое, горизонтальное, вертикальное или комбинированное лощение. Их следует также отличать от кубкочаш точно такой же формы, но без ангоба — серых, светлых,

¹² Гумилев Л. Н. Хунну. М., 1960. Табл.

¹³ Шишкина Г. В. Керамика конца IV—II вв. до н. э. (Афрасиаб II)//Афрасиаб. Вып. III. Ташкент, 1974. С. 39.

¹⁴ Шишкина Г. В. Материалы... С. 230.

¹⁵ Кабанов С. К. Стратиграфический раскоп... С. 54.

¹⁶ Шишкина Г. В. Эллинистическая керамика... С. 62. См. также: Кабанов С. К. Ареал и эволюция двух керамических форм//СА. 1964. № 3.

светло-коричневых оттенков поверхности — это кубочаши ахеменидского и, возможно, доахеменидского периода. В небольших количествах кубочаши II—I вв. до н. э. встречаются в комплексах керамики I в. н. э., но скорее всего, уже как переложенный материал.

Кувшины (рис. 1, 15—19). Вторая форма сосудов с выделенным перегибом, на которую хотелось бы обратить внимание, — кувшины. В яме № 9 собраны только широкогорлые кувшины с диаметром венчика от 10 до 14 см, подтреугольной и подчетырёхугольной формы, с красным, красно-оранжевым, ярко-корич-

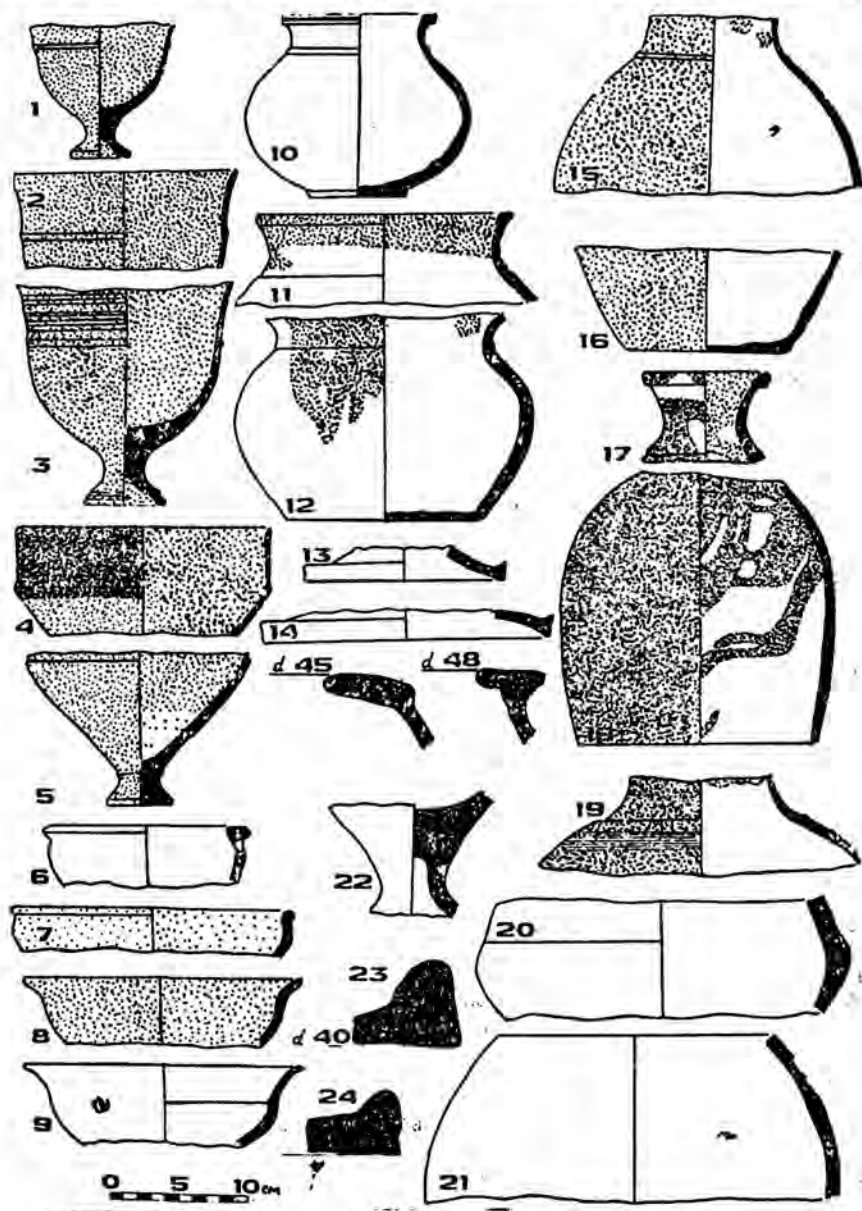

Рис. 1. Керамика II в. до н. э.

невым, грязно-коричневым и черным ангобом. Донца широкие, устойчивые. Отличительная черта — перегиб на стыке горловины и тулова. Перегибы трех видов — валиком, подрезкой снизу (наплыв) и подрезкой сверху (уступ). На тех кувшинах, где идет подрезка для образования перегиба, обычно ниже его дополнительным украшением сосуда делается прочерченно-процарапанный орнамент в несколько полос. Таковы кувшины из ямы № 9 и комплекса из помещения № 13 (рис. 1, 19). С наружной стороны кувшины полностью покрыты ангобом — красным, бордовым или черным; с внутренней стороны ангоб обычно имеет вид пятен от отпечатков пальцев, с потеками.

¹⁷ Кабанов С. К. Стратиграфический раскоп... С. 60.

Находки кувшинов с перегибом на горловине на Афраснабе многочисленны: в завалах, подстилающих древнее здание у оборонительной стены¹⁷, в шурфах Г. В. Шишкиной¹⁸.

Горшки (рис. 1, 10—12). Выразительно дополняют комплексы керамики II в. до н. э. горшки с перегибами на горловине. Наиболее многочисленная группа их извлечена из ямы № 9. Диаметр горловины — от 8 до 18 см. Сосуды широкие, приземистые, с валиком-перегибом в месте перехода горла в круто-выпуклое тулово. Первый тип — выпуклый валик — зафиксирован на горшке из помещения № 7 (рис. 1, 10). Второй — подрезкой снизу (наплыв) и третий — подрезкой сверху (уступ) был на горшках из ямы № 9 (рис. 1, 11—12).

Горшки с перегибами на горловине отмечены на севере¹⁹, северо-западе²⁰ и на южной окраине Афраснаба²¹.

Такие сосуды, как чаши, рыбные блюда, тагора, крышки, котлы, светильники, довольно длительный период свою форму резко не меняют.

Чашы (рис. 1, 6—9). Чашы диаметром 20 см с отогнутым наружу бортом покрыты красным или коричневым ангобом или не имеют его. Часть их имеет резкий перегиб-наплыв внутри (1, 9), в месте, отделяющем борт чаши от ее нижней части.

В комплексах периода Афраснаб II эти чаши очень часто имеют лощенные с внутренней стороны²². Чашам другого типа, с загнутым бортом (D=15, 20 см) присущи несколько типов венчиков: Т-образные, Г-образные, прямые, острые, резко загнутые внутрь, в форме запятой. Эти чаши могут быть без поддона, с плоским поддоном, кольцевым. Такие формы многочисленны в комплексах керамики Афраснаба II²³. Для этого периода чаши второго типа красноангобированны, со слошным и разнообразным полосчатым лощением как по ангобированной, так и по неангобированной поверхности. В комплексах керамики II в. до н. э. они появляются со светло-коричневым ангобом с обеих сторон, красно- и черсангобированные, но все без лощения.

Крышки (рис. 1, 13—14) диаметром 14—20, 36 см, светло-светло-коричневого цвета; тесто с примесью мелкого песка. Данная форма просуществовала очень долго, включая раннее средневековье, хотя имела для каждого периода некоторые отличительные черты. До I в. н. э. крышки имели резко загнутый вверх край, образующий по краю крышки вертикальный бортик. Крышки были гладкие, без орнамента, имели иногда высветленную поверхность, характерную для керамики ахеменидского времени (а, возможно, являлись и переотложенными), иногда покрывались красным или красно-коричневым ангобом, но в большинстве случаев были без ангоба и имели цвет коричневых оттенков.

С I в. н. э. у крышек исчезает бортик, край становится мягко округлым, с небольшой оттянутой или едва выделенной загнутостью внутрь. Крышки II—I вв. до н. э., I в. н. э. изящны, аккуратной выделки, тонкостенные. В I в. н. э. цвет крышек — коричневый, желтовато-коричневый. Со II в. н. э. на крышках появляется примитивный орнамент — в виде прочерченно-вдавленных полос с наружной стороны; крышки становятся более толстостенными, тяжелыми и грубоватыми.

Дальнейшая эволюция, до раннего средневековья включительно, идет по пути огрубления, усиления массивности крышек с орнаментом полосами прочерченно-процарапанного, прочерченно-вдавленного характера, оставленным инструментом либо пальцами, с разнообразным выделением ободка по краю крышки при формовке ее на гончарном круге.

Котлы (рис. 1, 20—21). Находки фрагментов котлов II в. до н. э. немногочисленны. Котлы большого диаметра, шаровидные (рис. 1, 21), без выраженного венчика, лепные, с наполнителем теста — кварцевым песком или дробленым сланцем. Котлы обычно толстостенные, черные снаружи и коричневатые-черные внутри. Такие котлы характерны и для IV—III вв. до н. э. В смешанном комплексе керамики II в. до н. э. и I в. до н. э. — I в. н. э. найден фрагмент толстостенного котла с выделенным бортом и округлым туловом. В I в. н. э. наряду с лепными котлами шаровидной формы появляются лепные котлы (D=26—27 см) с отогнутым устьем, слегка выделенным венчиком и кольцевой впадиной для упора крышки.

Хумы (рис. 1). Хумы диаметром 45—48 см с Т-образными и Г-образными, обращенными внутрь венчиками, коричневого цвета с обеих сторон, взяты из ямы № 9. Но подобные венчики хумов встречались и в комплексе керамики Афраснаб II, а также продолжали бытовать и в более позднее время.

Жаровни, светильники (рис. 1, 22—24). На протяжении многих столетий оставались неизменными жаровни, вылепленные из глины с большим ко-

¹⁸ Шишкина Г. В. Керамика конца IV—II вв. ... С. 36; Ее же. Материалы... С. 230

¹⁹ Кабанов С. К. Стратиграфический раскоп... С. 60.

²⁰ Шишкина Г. В. Керамика конца IV—II вв. ... С. 36.

²¹ Немцева Н. Б. Стратиграфия южной окраины городища Афраснаб//Афраснаб. Вып. I. С. 163.

²² Шишкина Г. В. Эллинистическая керамика... С. 64—65.

²³ Там же. С. 64.

личеством самана. Они не обжигались и к моменту выброса приобретали желто-оранжевый цвет. Долгое время сосуществовали четырехугольная и круглая форма жаровен. Круглые жаровни — большого диаметра, в основном 40—45 см. В раннем средневековье появляются жаровни, сделанные на гончарном круге и обожженные в печи, но и они сосуществовали с лепными необожженными жаровнями. В комплексе керамики II в. до н. э. найден один фрагмент светильника из жаростойкого теста с включением большого количества крупного кварцевого песка и крупинок гипса. Светильник на полой ножке, коричневый с наружной стороны и прокаленный дочерна внутри резервуара.

Керамика I в. до н. э.—I в. н. э. (Афрасиаб IV)

На территории квартала у северной оборонительной стены Афрасиаба имелось несколько одновременных ям, характеризующих период заброса. Одна из ям была в помещении № 13, другая перекрывала коридор в это помещение. В ямах находилась керамика, характерная для II в. до н. э. и I в. до н. э.—I в. н. э. В заполнении ямы № 11, в стене помещения № 10, выделяется комплекс керамики, который можно датировать I в. н. э. Данный комплекс выделяется преобладанием

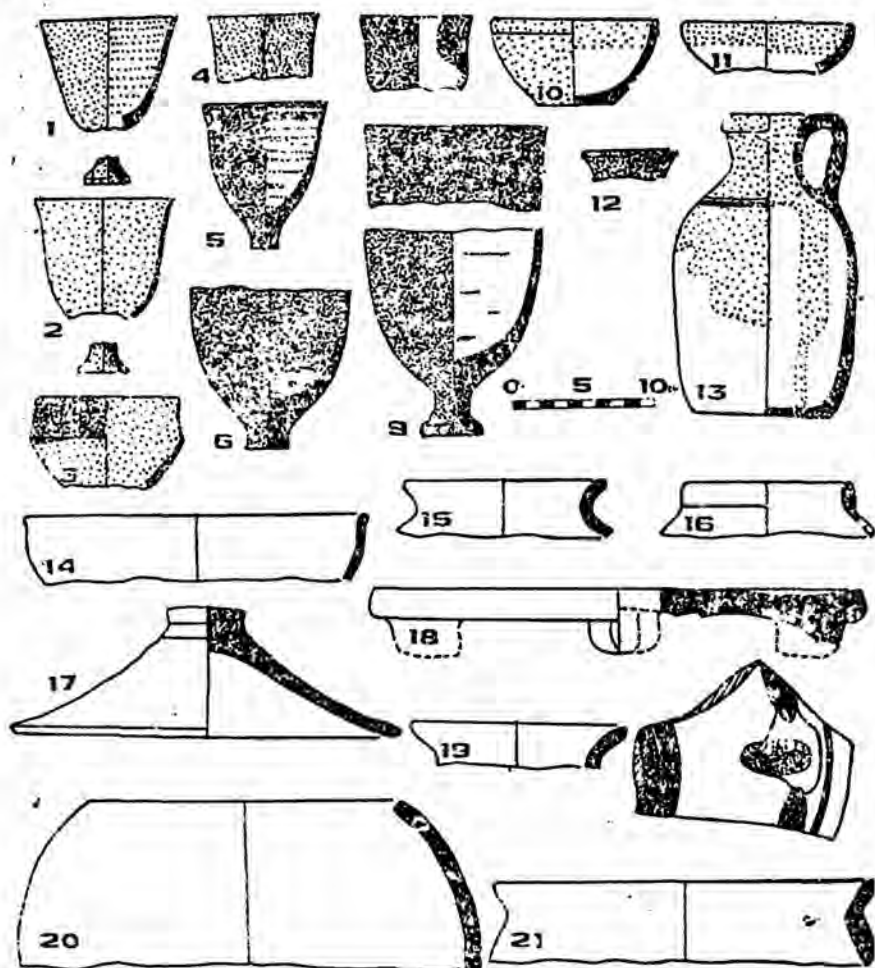

Рис. 2. Керамика I в. до н. э.—I в. н. э.

ангоба коричневых оттенков, коричнево-желтоватого цвета поверхностей сосудов и появлением в формовочном тесте мелкого песка с известковыми включениями. Последнее говорит о том, что меняется состав теста, количество гильман намного уменьшается и резко увеличивается количество лёсса при замесе²⁴.

Кубки (рис. 2, 1—9). Уже в переходный период (I в. до н. э.) наблюдается появление большого количества мелких кубков без перегиба на тулове, сначала еще с красным ангобным покрытием (рис. 2, 1—2), красно-коричневым, а потом и коричневым. В комплексе переходного периода имеется и кубочаша (рис. 2, 3)

²⁴ Гражданкина Н. С. Опыт технологического исследования красноангобированной керамики Узбекистана//ИМКУ. № 3. Ташкент, 1962. С. 138.

диаметром устья всего 10 см. Долгое время красноангобирование сосуществует с покрытием плотным коричневым ангобом, постепенно уступая все большее место коричневому ангобу хорошего качества. Подобные кубки встречаются на Афраснабе у всех исследователей и датируются ими в основном первыми веками до н. э.

Чаши (рис. 2, 10—11, 14). Чаши имеют различную профилировку венчиков, но некоторые общие черты сближают их: они или без ангоба (рис. 2, 14), или имеют светло-, ярко- или грязно-коричневый ангоб, в котором видны блестящие слюды, часто нанесенной полосой по внутренней или наружной стороне.

Кувшины (рис. 2, 12—13). Узкогорлые кувшины диаметром горловины 6—7 см представлены фрагментом венчика кувшина, отогнутого плавно наружу и покрытого внутри и снаружи темно-коричневым ангобом, и кувшином желто-коричневого цвета, от венчика до тулова покрытого светло-коричневым ангобом с потеками до донца. В таблицу включен только новый вид кувшинов, появившийся в I в. н. э.

Горшки (рис. 2, 15), хумчи (рис. 2, 16) — без ангобного покрытия, светло-коричневые или оранжевых тонов; в тесте имеют примеси известняка.

Крышки (рис. 2, 17) — диаметром 27—31 см, очень аккуратной выделки, без ангобного покрытия, светло-коричневых тонов. Сняты с гончарного круга нитью. Диаметр ручки 5—7 см.

Котлы (рис. 2, 20—21). В I в. н. э. продолжают бытовать лепные котлы шаровидной формы с диаметром устья 22—30 см. В качестве жаростойкого наполнителя использовался крупный кварцевый песок. Наряду с шаровидными котлами появляются лепные котлы с отогнутым наружу устьем, которое имеет выделенный венчик и кольцевую впадину для упора крышки. Котлы закопчены. В качестве жаростойких сосудов использовались и отдельные виды горшков.

Горшок (рис. 2, 19) с плавно отогнутым наружу венчиком, черный с обеих сторон. В качестве жаростойкого элемента в тесте использован кварцевый песок.

Дастархан (рис. 2, 18). Дастархан лепной, диаметром 35 см, светло-коричневого цвета, с украшением поверхности посыпкой слюдой. На изломе в тесте видны примеси кварцевого песка и блесок слюды. Со стороны подковообразных ножек дастархан украшен в центре двумя концентрическими, прочерченно-вдавленными полосами пальцем и одной такой же полосой между ножками. Подковообразная форма ножкам придана вмятиной пальцем в направлении к центру дастархана.

В Средней Азии период бытования дастархана колеблется в пределах II—XII вв. н. э.²⁵ На Афраснабе дастарханы встречались ранее в слоях X—XI вв. н. э.²⁶

Керамика I в. до н. э.—I в. н. э. имеет качественные изменения по сравнению с керамикой II в. до н. э. Появляется значительное количество мелких вариантов кубков, утолщается черепок и огрубляется поверхность сосудов — она становится более неровной и шероховатой. Используется ангоб более густой консистенции. После обжига он становится матовым и легче отслаивается с поверхности кубков. В других сосудах (чашечках, кувшинах) намечается тенденция к употреблению совсем жидкого ангоба, наличие которого иногда едва угадывается, а на кувшинах дает потеки.

Надеемся, что дальнейшие работы позволят расширить и углубить наши представления о керамике античного Самарканда.

Т. И. Лебедева

²⁵ Богомолов Г. И., Папахристу О. А. О дастарханах // ИМКУ. № 17. Ташкент, 1982. С. 107.

²⁶ Шишкина Г. В. Глазурованная керамика Согда. Ташкент, 1970. Табл. XXVIII.

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФИЯ

Т. НАФАСОВ. ТОЛКОВЫЙ СЛОВАРЬ ТОПОНИМОВ УЗБЕКИСТАНА (ЮЖНЫЕ РАЙОНЫ УЗБЕКИСТАНА)

(Ташкент: Укитувчи, 1988. 288 с. На узб. яз.)

В условиях перестройки всей жизни нашего общества весьма актуальное значение обрели проблемы топонимики, особенно вопросы фундаментального изучения, восстановления и сохранения исторически ценных топонимов как важной части исторического наследия народов. В этом деле велика роль топонимических словарей, создание которых является итогом серьезных теоретических и практических исследований.

Из работ ученых Узбекистана в этом плане можно отметить исследования Х. Хасанова (1965, 1977, 1985), С. Караева (1970, 1978), З. Дусимова и Х. Эгамова (1977, 1985)¹.

Вышедшая недавно книга Т. Нафасова² продолжает сложившиеся традиции составления топонимических словарей. Несколько отзывов об этой работе уже появились³, но они не раскрывают в должной мере ее содержание.

Словарь создан на основе обработки собранного автором материала (в общей сложности — 15 тыс. топонимов), из которого лишь одна треть вошла в данное издание. Автор учел опыт составления уже имеющихся топонимических словарей и вместе с тем применил несколько новый подход. Прежде всего он включает в словарь сведения о географическом положении топонимов, а затем переходит к топонимическому анализу. Сохранены главные черты топонимических словарей — краткость и полнота информации, точность передачи мысли. Материал изложен нешаблонно, что делает книгу более интересной.

В словаре доминирует семантический анализ, т. е. работа эта более лингвистическая, нежели историко-лингвистическая или историческая. Хотя в той или иной степени уделено внимание и письменным источникам, но их материал в основном использован с лингвистической точки зрения. Главное внимание уделяется фонетическому разбору топонимов (Араловул, Ёртиариқ, Кўмиртепа, Хонариқ и т. д.). При фонетическом анализе автору удается верно осмысление структуры топонима с разбивкой на отдельные компоненты и тем самым — выход к их правильным формам. Подобный метод исследования топонимов требует от ученого высокой эрудиции и глубокого знания предмета. Компонентный разбор в топонимике — наиболее сложный процесс, ибо один и тот же компонент может иметь параллели и в других языках, не имея при этом никакого отношения к основному значению. Поэтому автор прибегает к широкому анализу, используя большое количество фактического материала (письменные источники, современные исследования, сбор данных на местах и т. д.), что с методологической точки зрения наиболее верно.

Книга имеет особое значение для изучения этнической истории Средней Азии, особенно тюркских народов, поскольку в ней зафиксировано много этнотопонимов (Балиқчи, Тўқмангит, Хитобн и т. д.), раскрыты различные формы перехода этнонимов в топонимы, их трансформация (Ачамайли, Илонли, Узунпойча и др.).

На основе семантической систематизации автору удалось выйти к более древним формам топонимов, в том числе древнетюркских (Ёмон, Мирзапўчоқ, Олатог и др.). Кроме того, в книге выявлена этимология многих топонимов, состоящих из современных, древнеиранских и таджикских основ (Дарвозакам, Кабаметан, Кишт, Хуммон, Ҳаппак и т. д.).

Автор, прежде чем прийти к конкретному заключению, подвергает тот или иной топоним детальному анализу. При этом он не ограничивается только Средней Азией. Параллельные формы, компоненты он ищет и в других регионах и народах, что очень важно при установлении наиболее верной, оптимальной формы топонима, его этимологии (Барлос, Дарбанд, Сайроб, Яргунчи и т. п.).

Обширный, разнообразный материал заключен в книге по вопросу образования топонимов. В ней можно проследить топонимы, образованные от форм рельефа (Буғозқум, Гўрдара, Домана и т. д.), названий растений (Жийдазор, Пистали, Тутли и др.), животных (Жайрали, Сугурли, Чавалай и т. п.), водных объектов (Болқудуқ, Кўрбулоқ, Хонариқ и др.). Некоторые топонимы отражают хозяйственную деятельность человека (Гидамчи, Косагар, Хумдонак и т. п.). В словарь включен и более новый материал — топонимы, образованные в годы Советской власти, заключающие в себе и русскую топонимию данного региона (Дружба, Ильич, Иттифоқ, Комсомолқудуқ, Пионерка и т. п.).

Наиболее важным моментом является установление степени причастности топонимов к современному пласту (Говушман, Дарвозакам, Навтака, Хушқруд и др.). Изучение наиболее древних топонимов связано с определенными периодами исторической топонимики Средней Азии. Поэтому автор рассматривает их иногда и в историко-источниковедческом плане (Арлат, Барлос, Дархон, Танхас и др.).

На протяжении всей книги встречаются названия восточных письменных источников, составленных на арабском, персидском и тюркском языках: памятники древнетюркской письменности, аноним «Худуд ал-алам», сочинения ал-Мукаддаси, Самъани, А. Навои, Бабура («Бабура-наме»), словарь «Гийас ал-лугат» и др. По времени составления они охватывают более чем тысячелетний период.

¹ О топонимических словарях Узбекистана см.: Урнинов Т., Ядыханова Т. Узбекские топонимические словари // Ономастика Узбекистана: Тезисы II Республиканской научно-практической конференции (г. Карши, 14—16 сентября 1989 г.). Ташкент, 1989. С. 81—82.

² Нафасов Т. Узбекистон топонимларининг изоҳли лугати (Узбекистоннинг жанубий районлари). Тошкент: Уқитувчи, 1988.

³ Например, в вышеуказанных тезисах Т. Урнинова и Т. Ядыхановой. См. также: Шукуров Ш., Хуррамов К. Узбекистон топонимларининг изоҳли лугати // Узбек тили ва адабиёти. 1989. № 5. С. 61—63; Ишаев А. Жой номлари лугати // Фан ва турмуш. 1989. № 9. С. 9.

Следует высказать и некоторые замечания. Прежде всего — о принятой в данном издании систематизации. Соблюдена общая система (введение, основная часть, список использованной литературы и условных сокращений, а также аннотированный список топонимических терминов). Но при изложении материала в основной части система несколько нарушена. Так, в описании топонимов Бойбича, Бойботир, Бойбўри, Бойбўритўп и т. д. значение компонента «бой» дано в анализе не первого, а третьего в этом списке топонима. При объяснении топонима Ашуржилон (с. 20) бўри, Бойбўритўп и т. д. значение компонента «бой» дано в анализе не первого, (с. 86) отсутствует ссылка на его первый вариант (Ашуржилон). При описании топонима Жазират Усмон надо было дать ссылку на топоним Ороллайгамбар, поскольку толкование первого топонима дано в основном во втором случае.

Иногда, увлекаясь обширным анализом того или иного топонима или его компонентов (Аймоқ, Дарвозакам, Дархон и т. д.), при котором даны их параллели в других языках, автор уходит от основного. Подобная информационная перегруженность сведениями второстепенного значения отвлекает читателя от главного.

Толкование некоторых топонимов путем семантического разбора с включением их в ту или иную систему носит спорный характер (Ботинариқ, Дарча, Кармаки, Чем, Чолбош и т. п.).

Говорить о заимствовании слова «балиқ» из угорского языка не совсем верно (с. 22), поскольку оно имеет широкое распространение в основном в тюркских наречьях.

В анализе топонима Аблазиз нужно было дать уточнение, что «Азиз» — один из эпитетов Аллаха и смысловое значение топонима будет «Раб божий». Топоним «Гапгриго» (Тенгри-таг) относится к системе не Памирских гэр (с. 36), а Тянь-Шаньских: это название их центральной части, расположенной на территории Киргизской ССР.

Многие топонимы (Аввона, Бойдўнг, Булуч, Полмоп, Хатак, Шовкап и др.) требуют более конкретного пояснения. При толковании топонимов с компонентом *тал* (*таал*) автор относит это слово то к таджикскому, то к арабскому языку (с. 172—173). В действительности это слово арабское⁴. Компонент *тол* в толковании топонима Торқсичгай — не таджикское слово (с. 178), а узбекское. На с. 190 вместо «Ўзбек этноним» правильно было бы написать «Уйгур этноним». Село Оқтумшўқ находится не в Шурчинском районе (с. 149), а в Сарнасийском. Топоним Мавераншахр с арабского переводится не как «Междуречье» — «икки сув оралиги» (с. 118), а «то, что за рекой», т. е. территория, расположенная к северу от р. Балх (Амударья).

Имяются некоторые опечатки и орфографические погрешности: Хотан (с. 39) — Хутан, Соьмоний (с. 100) — Самъоний, сокращение «ў. и» (с. 19) осталось не расшифрованным и т. д.

Но в целом написанная на основе изучения богатого материала книга Т. Нафасова безусловно заслуживает положительной оценки. Она побуждает читателя к теоретическим размышлениям по самым различным вопросам истории Средней Азии и имеет большое практическое назначение не только для топонимистов, но и лингвистов, историков, этнографов, географов. Ее материалы можно использовать при составлении Красной книги топонимов Узбекистана.

К. Шаниязов, А. Шерматов, А. Буриев

⁴ См.: Хасанов Х. К этимологии названия «Тянь-Шань» // Из истории Средней Азии и Восточного Туркестана XV—XIX вв.: Сб. Ташкент, 1987. С. 136—139.

⁵ См.: Фарҳанги забони тоҷикӣ. Т. 2. М., 1969. С. 310.

ФАЗИЛА СУЛЕЙМАНОВА. МИНИАТЮРЫ К «ХАМСЕ» НИЗАМИ

(Ташкент: Фан, 1985. 254 цветные репродукции. 33,5 x 24,5 см)*

Мы уже имели возможность в недавнем прошлом не раз отмечать ценные советские публикации, посвященные персидской миниатюрной живописи (см.: Oriental Art. Winter. 1977. P. 479; Spring. 1982. P. 89; Winter. 1985. P. 440; Winter. 1986. P. 413), и настоящая книга является самой последней из них и выдержанной в тех же традициях, что и ее предшественницы. Правда, она отличается от них тем, что издана в память о безвременно ушедшем от нас проф. Хамиде Сулейманове из Ташкента — все иллюстрации в ней взяты из его коллекции слайдов, а текст написан его вдовой. Те, кто участвовал в памятном Симпозиуме ЮНЕСКО, посвященном تیمурیدской миниатюрной живописи, в Самарканде в 1969 г., надолго сохраняют яркие впечатления о его большой и впечатляющей личности, о его радушии и неустанных усилиях, направленных на то, чтобы мы, зарубежные делегаты, все время чувствовали себя комфортно и были всем обеспечены.

* Под ред. Э. Ю. Юсупова.

Миниатюры в настоящем издании взяты из двадцати трех рукописей, пронумерованных римскими цифрами, — две из них хранятся в Британском музее, восемь — в библиотеках СССР и не менее тринадцати — в библиотеках и музеях Индии (Дели, Калькутта, Хайдарабад, Патна и Рампур). Эти последние, ранее не публиковавшиеся, представляют собой значительный интерес, а одна из них (MS V, Библиотека Худабахша, Патна, датируется 883/1479 г.) — особой важности. Другие выдающиеся списки — это хорошо знакомые нам рукописи 1442 г. (Add. 25900, MS II) и 1495 г. (Or 6810, MS VIII) и великолепный список Шахруха 1431 г. из Эрмитажа в Ленинграде (MS I). Список Ленинградской публичной библиотеки 1491 г., проиллюстрирован в туркменском стиле, высокого качества исполнения, но не единственный в своем роде. Два списка (1480 и 1482 г.) из этой же библиотеки (MSS III и IV) содержат соответственно превосходные образцы темного стиля из Шираза и добехзадовского стиля Герата. Из сказанного выше можно заключить, что наиболее интересный материал в книге относится к пятнадцатому веку, и это неудивительно, поскольку это был излюбленный период проф. Х. Сулейманова.

Из одиннадцати рукописей, содержащих сефевидские миниатюры, не менее девяти могут быть отнесены к Ширазу, с миниатюрами достаточно общего характера, но иногда лишенными вдохновения, вместе с самими книгами, изготовляемыми для продажи, что характерно было для этого города. За исключением двух рукописей, иллюстрированных в казвинском стиле, и удивительно прекрасной и интересной бухарской рукописи 1648 г. (ср. с MS 276 из Честер Битти), остальные являются индийскими (могольский провинциальный и кашмирский стиль), включая одну, датированную семнадцатым веком, но чьи миниатюры, по моему предположению, изготовлены двумя веками позже (MSXXII). В ряде списков количество миниатюр колеблется от десяти до пятнадцати в каждом, а в бухарском списке 1648 г. их не менее сорока четырех; небольшая часть их значительно увеличена в размерах, тем самым дается возможность изучить детали и индивидуальный почерк художника. Последние тридцать иллюстраций посвящены украшениям текста, декорированным текстам и переплетам.

Текст большей частью связан с сюжетным содержанием пяти поэм, приводится их краткое изложение, со ссылками на Низами, который был вызывающе независимым от дворцовой опеки, ее покровительства низшим сословиям и пр. Английский перевод, сделанный И. М. Меленевским, в целом хорошо читается, хотя «Хамса» переведена «пентаметром» и имеется также ряд неудачных транслитераций (Hosrov вместо Khusraw, Farkhad вместо Farhad, Isfagan вместо Isfahan и т. д.). Иллюстрации сопровождаются надписями из соответствующих рукописей, причем миниатюры темного списка 1480 г. (MS III) отнесены, к нашему удивлению, к Герату и к той самой руке, что и миниатюры в MS IV. Явно ширазские миниатюры шестнадцатого века в MS VI (напечатано — IV), датированной Исфаханом 890/1485 г., определены как современные тексту, как и миниатюры в MS IX, которые также должны быть ширазской работы конца шестнадцатого столетия, хотя текст датируется 909/1504 г. MS XVII, датированная 1020/1611 г., отнесена (под вопросом) к Исфахану, по миниатюры ее, вне сомнения, являются типичными образцами продолжения ширазского стиля шестнадцатого века в последующем столетии. MS XVI также отнесена к Исфахану, но очень похоже, что это — ширазская работа начала семнадцатого века, особенно судя по орнаментации текста (репродукции 21, 22), и может быть сравнена с ширазским списком произведений Низами 1628 г. в Библиотеке Джона Риланда (Pers. MS 35). MS XV, датированная 987/1579 г., отнесена к Бухаре, но без учета того факта, что миниатюры в ней сильно напоминают миниатюры из «Шахнаме» Исмаила II 1576—77 г., тюрбаны лишены копических «кулахов», которые отличают бухарскую работу этого времени; их, вне сомнения, можно отнести к Казвину. Подобного рода замечания относятся к MS XIII 971/1564 г., которая также отнесена к Бухаре.

О репродукциях 222—224 автор пишет: «Среди слайдов, собранных Х. С. Сулеймановым, отмечены три, принадлежность которых к какой-либо рукописи определить не удалось... Мы нашли целесообразным включить их в данный альбом. Первая из них — это «Гульнар видит Ардашира из окна» из «Шахнаме» Байсункура в библиотеке «Гулистан» в Тегеране (cf. BWG pl. XLVIB); по всей видимости, они сфотографированы не с оригинала, а скорее всего с одной из плохих копий из издания ЮНЕСКО 1956 г. «Персидские рукописи в Шахской библиотеке». Две другие, вероятно, сфотографированные из того же источника, взяты из ширазского списка произведений Низами середины шестнадцатого столетия, все из той же Шахской библиотеки «Гулистан», который демонстрировался в Лондоне в 1957 г. Он был выполнен Мухаммадом Кавамом из Шираза и имеет номер 513 в Каталоге, составленном Атабай (пнев. № 1913).

Эта удивительно красивая книга вносит ценный вклад в изучение восточной миниатюрной живописи, особенно тем, что делает доступным большое количество фактически неизвестного материала, а также является достойной данью памяти прекрасного и жизнерадостного ученого. Я всегда буду помнить его прощальное слово, когда он пожинал мне при расставании руку: «Контакт!»

Б. У. Робинсон.

Наряду с приведенной выше рецензией проф. Б. У. Робинсон прислал Ф. Сулеймановой письмо следующего содержания:

Дорогая мадам!

Вы, вероятно, не помните меня, но мы встречались с Вами несколько раз на Симпозиуме ЮНЕСКО в Самарканде, в 1969 г., это был один из самых приятных моментов в моей жизни. Мне было очень приятно, лестно познакомиться с Вашим мужем и общаться с ним. Разрешите мне выразить искреннее сожаление по поводу трагической потери, о которой я услышал недавно и был потрясен и опечален. Симпозиум стал памятной датой в моей жизни, и это навсегда связано с профессором Хамидом Сулеймановым. Мы все были восхищены его теплым приветствием, его юмором, постоянной заботой об иностранных делегациях и вниманием ко всем. Он на самом деле был великим человеком в полном смысле этого слова, почти больше, чем жизнь, как говорят в Англии.

В Лондоне, в маленькой лавке, я нашел экземпляр книги Низами, где были отпечатаны слайды найденных Сулеймановым миниатюр. Я получил огромное удовольствие от этой книги, читал с большим интересом. Я написал небольшую рецензию о Вашей книге и послал в редакцию «Восточное искусство», они обещали опубликовать в скором времени. Я посылаю Вам копию рецензии, может быть, это Вас заинтересует.

Примите мои сердечные симпатии и приветствия как воспоминание о нашей встрече в Самарканде 19 лет назад.

Искренне Ваш — Б. У. Робинсон.

7 апреля 1988 г., Лондон.

ХРОНИКА

К СТОЛЕТИЮ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ И. И. УМНЯКОВА

Исполнилось 100 лет со дня рождения видного ученого-востоковеда Узбекистана, профессора Ивана Ивановича Умнякова.

И. И. Умняков родился 5 августа 1890 г. в Петрозаводске в семье военнослужащего. В 1914 г. окончил факультет восточных языков Петербургского университета. Еще будучи студентом (1912), он был направлен университетом в научную поездку по Средней Азии, а в 1913 г. удостоен золотой медали за сочинение на заданную тему: «Сопоставить известия Наршахи и арабских географов о топографии Бухары с данными о современном городе». В 1914—1916 гг. обучался восточным языкам в учебном отделении при Министерстве иностранных дел (Петроград), после чего был направлен в качестве драгомана (официального переводчика) в Русское политическое агентство в Бухаре.

После Октябрьской революции И. И. Умняков работал в полпредстве РСФСР в Бухаре, а в октябре 1920 г. был зачислен научным сотрудником кафедры истории мусульманского Востока Туркестанского государственного университета и с февраля 1921 г. вел эту же дисциплину в Туркестанском восточном институте (Ташкент).

В 1921—1923 гг. И. И. Умняков совершенствовал свои знания при факультете общественных наук Петроградского университета и после сдачи соответствующих коллоквиумов по программе магистерских испытаний вернулся в Ташкент, где продолжил преподавание в Туркестанском восточном институте (впоследствии — восточный факультет САГУ).

В 1921—1928 гг. И. И. Умняков принимал участие в работе Среднеазиатского комитета по охране и изучению памятников старины и искусства (Средазкомстарис) в качестве его ученого секретаря, а затем инспектора по охране памятников. В 1929—1931 гг. осуществлял описание и изучение восточных рукописей, в частности вакуфных документов, в Центрархиве (Ташкент) и Среднеазиатской государственной библиотеке.

С 1932 до 1939 г. И. И. Умняков находился вне Средней Азии, а с 1939 г. началась его многолетняя преподавательская деятельность в вузах Самарканда (в последние годы жизни — профессор-консультант СамГУ им. А. Навои).

В 1942 г. И. И. Умняков защитил кандидатскую диссертацию «Самая старая турецкая карта мира (XI век)». В 1943 г. он был утвержден в звании доцента, а в 1956 г. — профессора.

Разработанные И. И. Умняковым курсы источниковедения и историографии Средней Азии читались здесь в ту пору им одним. Он вел также спецкурсы: «История мусульманского Востока», «История Туркестана», «История домусульманской Средней Азии» и многие другие.

Круг научных интересов И. И. Умнякова был широк, но известен он прежде всего как исследователь письменных источников на арабском языке, связанных со Средней Азией и Восточной Европой (критический анализ, историческая интерпретация). Он считался, например, одним из первых знатоков сочинения Махмуда Кашгарского. Перу И. И. Умнякова принадлежат публикации по «Абдулла-наме» — одному из важнейших источников для изучения Средней Азии XVI в., по такому выдающемуся произведению анонимного автора, как «Худуд-ал-алам», по сообщениям авторов классической поры арабоязычной науки (ал-Идриси и др.).

Интерес историков и археологов вызвали его работы по тохарской проблеме, о «монетной реформе» Абдулла-хана (по данным «Абдулла-наме» Хафиза Таниша) и др. Он — автор первого по времени издания (1926) очерка об акад. В. В. Бартольде (к 30-летию его научной деятельности). Длительное время работал И. И. Умняков над составлением полного аннотированного указателя печатных произведений В. В. Бартольда. И. И. Умняков состоял также членом редколлегии 9-томного собрания сочинений В. В. Бартольда.

И. И. Умняковым был написан также ряд статей — о происхождении слова «таджик», об истории хлопководства, о землепользовании в Бухаре и т. д. В последние годы жизни он уделял много внимания изучению международных связей Средней Азии с Западной Европой (XV в.). В общей сложности его перу принадлежит свыше 60 научных публикаций.

И. И. Умняков проявлял большую заботу о подготовке научных кадров. Многим из его учеников присуждены ученые степени и звания.

Иван Иванович был участником многочисленных научных форумов, в том числе XXV Международного конгресса востоковедов (Москва, 1960).

И. И. Умняков активно участвовал в общественной жизни. В Самарканде он был известен как лектор-популяризатор истории города и его древних памятников. В течение ряда лет он был депутатом Самаркандского городского, а затем и областного Совета депутатов трудящихся.

И. И. Умняков был награжден орденом Ленина, медалями, Почетными грамотами Президиума Верховного Совета Узбекской ССР, удостоен звания заслуженного деятеля науки республики (1958).

Скончался Иван Иванович Умняков 21 февраля 1976 г. в Москве. Он оставил о себе добрую память как талантливый ученый, внесший активный вклад в становление и развитие востоковедческой работы в Средней Азии.

МУНДАРИЖА

А. У. Тўхтамишев. Инсон омили — ижтимоий-иқтисодий даража.	3
Ш. Г. Очилов. Ўзбекистонда жамоатчиликни ўзини-ўзи идора қилишнинг ривожланиш тажрибасидан	10
Ф. Т. Ҳақбердиева. Фанни бошқаришнинг ҳуқуқий муаммолари.	15
О. Ф. Файзуллаев. Бирликни иккиланиш принципи — диалектик қарама-қаршиликларни билиш асоси.	22

Тарих саҳифаларидан

Ҳ. Зияев. Бухоро ва Хива хонликларини чоризм томонидан босиб олиниши.	30
---	----

Илмий ахборот

С. А. Абдуҳакимова. Ишчилар синфи жамоатчилик фикрининг шаклланиш босқичларининг хусусиятлари ҳақида.	40
Н. С. Қориева. ЎзССР ФА Шарқшунослик институти олиб келинган ҳинд олимларининг янги асарлари.	45
С. Наврўзов. XIX—XX аср бошларида Хивада деҳқончилик системаси ҳақида (Инқилобдан илгариги рус адабиёти маълумотлари бўйича)	49

Фан янгиликлари: изланишлар, топилмалар, кашфиётлар

Т. И. Лебедева. Афросиёб кулолчилик буюмлари (эраминзгача бўлган II аср ва эрамининг I асрлари)	51
---	----

Танқид ва тақриз

К. Шониёзов, А. Шерматов, О. Бўриев, Т. Нафасов. Ўзбекистон топонимларининг изоҳли луғати (Ўзбекистоннинг жанубий районлари)	57
Б. У. Робинсон. <i>Фозила Сулаймонова</i> . Низомий «Хамса»сига ишланган расмлар.	59

Хроника

И. И. Умняков туғилган кунининг 100 йиллигига	61
---	----

СОДЕРЖАНИЕ

А. У. Тухтамышев. Человеческий фактор как социально-экономическая категория	3
Ш. Г. Очилов. Из опыта развития общественного самоуправления в Узбекистане	10
Ф. Т. Хакбердиева. Правовые проблемы управления наукой	15
А. Ф. Файзуллаев. Принцип раздвоения единого как основа познания диалектических противоречий	22

Страницы истории

Х. Зияев. Завоевание Бухарского и Хивинского ханств царизмом	30
--	----

Научные сообщения

С. А. Абдухакимова. О специфике этапов формирования общественного мнения рабочего класса	40
Н. С. Кариева. Новые поступления трудов индийских ученых в Институт востоковедения АН УзССР	45
С. Наврузов. О системе земледелия Хивы XIX — начала XX века (По данным дореволюционной русской литературы)	49

Новое в науке: поиски, находки, открытия

Т. И. Лебедева. Керамика Афраснаба (II в. до н. э. — I в. н. э.)	51
--	----

Критика и библиография

К. Шаниязов, А. Шерматов, А. Бурнев. Т. Нафасов. Толковый словарь топонимов Узбекистана (Южные районы Узбекистана)	57
Б. У. Робинсон. Фазила Сулейманова. Миниатюры к «Хамсе» Низами	59

Хроника

К столетию со дня рождения И. И. Умнякова	61
---	----

НАШИ АВТОРЫ

- Зияев Х.**— доктор исторических наук, главный научный сотрудник Института истории АН УзССР.
- Робинсон Б. У.**— профессор (Англия).
- Файзуллаев А. Ф.**— доктор философских наук, ведущий научный сотрудник Института философии и права им. И. М. Муминова АН УзССР.
- Кариева Н. С.**— кандидат исторических наук, ст. научный сотрудник Института востоковедения им. Абу Райхана Беруни АН УзССР.
- Очилов Ш. Г.**— кандидат исторических наук, доцент ТашПИ им. Абу Райхана Беруни.
- Лебедса Т. И.**— мл. научный сотрудник Института археологии АН УзССР.
- Наврузов С.**— преподаватель ХорГПИ им. В. И. Ленина.
- Хакбердиева Ф. Т.**— мл. научный сотрудник Института философии и права им. И. М. Муминова АН УзССР.
- Абдухакимова С. А.**— аспирант социологического факультета МГУ им. М. В. Ломоносова.
- Тухтамышев А. У.**— аспирант Института экономики АН УзССР.

Цена 65 к.

Индекс
75349